

ИЗМЕНИТЬ СУДЬБУ ИЛИ ОСТАВИТЬ ВСЕ КАК ЕСТЬ?

СЕРГЕЙ МИЛУШКИН

ПОСЛАНИЕ ИЗ ПРОШЛОГО

ПЕТЛЯ
ВРЕМЕНИ

16+

Послание из прошлого

Сергей Милушкин

Послание из прошлого.

Петля времени

«Автор»

2022

Милушкин С.

Послание из прошлого. Петля времени / С. Милушкин —
«Автор», 2022 — (Послание из прошлого)

Продолжение популярного цикла "Послание из прошлого". Группа школьников во время проведения игры "Зарница" попадает из 1984 года в 1941. Враг пробивается к Москве. ЧП по исчезновению в 1984 году расследуют компетентные органы, а ребятам нужно постараться выжить и вернуться назад. Смогут ли они преодолеть преграды или вражда погубит весь отряд? Петля времени неумолимо затягивается.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	69
Глава 14	72
Глава 15	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сергей Милушкин

Послание из прошлого. Петля времени

Пролог

1984 год

Диссертация продвигалась медленно. Кирилл Мягков сидел в узкой вытянутой комнатке, полностью заваленной книгами – стеллажи теснились и нависали с двух сторон, а его стол приютился между ними, словно бедный родственник. Тусклая лампочка освещала гору распахнутых талмудов с разбросанными по страницам закладками. Вторая гора опасно застыла на подоконнике. Окно, выходящее во двор, было закрыто плотной черной тканью, поэтому он понятия не имел, какое снаружи время суток, – светло, или осенняя хмарь уже опустилась на город, поглотив собою все вокруг. Окно замуровали не просто так – напротив находился какой-то режимный объект, то ли следственный изолятор, то ли еще что-то похожее и за его темными решетками порой можно было увидеть обитателей камер, разглядывающих от нечего делать дом напротив.

Впрочем, Кирилл не обращал на это внимания. Два месяца назад он договорился с руководителем сектора новейшей истории, что, если понадобится, будет работать до утра и так как после защиты он становится ведущим научным сотрудником сектора, к тому же самым молодым и перспективным, Анатолий Вячеславович пошел ему навстречу.

Откровенно говоря, он души не чаял в Кирилле и всячески ему помогал. В коллективе ходили слухи, что после ухода на пенсию он будет ходатайствовать о назначении Кирилла руководителем сектора. Редкий случай, когда все были этому только рады.

Кирилл снова пробежался по исписанному от руки листу белой бумаги. Он терпеть не мог печатать на машинке – мысли сбивались, он не успевал за их полетом, к тому же треск клавиш сильно отвлекал. Поэтому Кирилл пользовался шариковой ручкой «Бик», набор которых вместе со стержнями Анатолий Вячеславович привез ему из заграничной конференции в Берлине.

Застыв над столом, он не мог сообразить, как начать новый параграф. Диссертация была посвящена Великой Отечественной войне, а именно – использованию разведывательных сообщений в ходе осуществления боевых действий Красной Армии.

Несмотря на то, что тема работы, в общем-то, была сугубо исторической, она до сих пор не утратила актуальности. Как доверять разведывательным данным в сложных условиях, как их проверять, какие судьбоносные решения и прорывы были основаны на донесениях советских разведчиков и почему некоторые из них, несмотря на явную ценность, так никогда и не были использованы – вот что являлось предметом научного интереса.

Анатолий Вячеславович даже намекнул, что его работой интересуются очень серьезные люди из Комитета государственной безопасности и если он получит существенные результаты, диссертация может быть засекречена. Этот слух быстро разошелся среди коллектива и придал его работе таинственный и даже героический ореол. Впрочем, сам Кирилл смотрел на это дело проще – он просто хотел понять некоторые странные, на его взгляд, вещи, на которые обратил внимание, будучи аспирантом истфака МГУ.

Теперь же, когда его пригласили в Институт истории СССР младшим научным сотрудником сектора Новейшей истории, у него появилась возможность все это проверить самым тщательным образом.

Кирилл вдруг чихнул. В кабинете, который ему выделили для написания диссертации книжная пыль витала словно смог. Он положил ручку на чистый белый лист, потянулся и вспомнил, что давно хотел выпить чаю.

Кипятильник находился в отдельной комнатке в конце коридора, там же стояла посуда, маленький холодильник, стол и два стула. На холодильнике располагалась хлебница, в которой лежал каменная половинка батона. Он так и не сбегал в гастроном, а теперь, наверняка было уже поздно. Придется размачивать батон в чае.

Кирилл вздохнул, встал с неудобного твердого стула и потянулся. Медленным шагом, покачиваясь, он направился по темному коридору. Снаружи здания стояла тишина. Еще один воскресный день на благо науки, – подумал Кирилл, вошел в комнатку, воткнул кипятильник в розетку, налил воды из чайника в кружку и скрестил руки на груди, глядя как в кружке пузырится вода.

Когда до его слуха долетел странный звук, он подумал, что это проделки старого холодильника «Снайге», который урчал, бурчал и разговаривал сам по себе совершенно не стесняясь окружающих.

Вода в кружке зашипела, стала белесой.

Кирилл прислушался. В здании сектора Новой истории он находился совершенно один – в этом не было сомнений. К тому же это было не главное здание, а примыкающее к нему научно-исследовательское крыло с отдельным входом, закрытым прямо сейчас на ключ, который лежал у Кирилла в кармане джинсов.

На всякий случай он проверил – ключ был на месте.

Звук повторился. И шел он явно не от холодильника, а откуда-то из глубины старого, еще довоенного здания.

Парень насторожился.

Кто-то влез в окно на первом этаже? Тогда бы он услышал звон разбитого стекла, звуки шагов, – ходить беззвучно по стертому скрипучему паркету могла только уборщица Анна Николаевна и никто не знал, как это у нее получается. Да и кто полезет в институт истории, что тут брать? Бюсты Маркса-Энгельса? Книги?

Впрочем, кое-что все-таки было, только об этом никто не знал.

Кирилл медленно протянул руку к розетке и дернул шнур кипятильника. Вилка выпала, шипение в кружке почти тут же прекратилось.

Звук, похожий на работу печатной машинки. Только печатал, кто бы это ни был, очень тихо и буквально по одной букве за несколько минут.

КЛАЦ.

Кирилл почувствовал, как по спине медленно поползли мурашки.

Привидение? Ну это и вовсе смешно в двадцатом-то веке. Он попытался усмехнуться в подтверждение своих слов, но вышло криво.

Короткие стуки, эти клацанья, отдающие эхом в пустом здании, так напугали его, что он на мгновение почувствовал панику.

Телефон находился на первом этаже на вахте, но туда нужно спускаться, что, разумеется, привлекло бы внимание... конечно, в приемной и кабинете директора тоже был телефон, но сейчас эти кабинеты закрыты.

Кирилл автоматически взял салфетку со стола и промокнул лоб, покрывшийся испариной.

КЛАЦ.

Черт возьми! – ругнулся он про себя. Не могла же Наина Иосифовна, секретарша директора прийти в воскресенье вечером, чтобы поработать. Это невозможно. Она обязательно заглянула бы в его каморку, тем более что приказ о выделении кабинета печатала именно она.

Кирилл осторожно выглянул из комнатки. Под дверью приемной было темно – оттуда не выбивалось ни единой полоски света.

КЛАЦ. КЛАЦ.

Новый звук заставил его подпрыгнуть на месте. Казалось, источник звука был совсем рядом, буквально в нескольких метрах. Но из-за высокого потолка и широких сводов эхо разносило резкие пугающие шорохи по всему этажу и определить направление было трудно – звук словно бы шел из самих стен, отовсюду.

И вдруг Кирилла осенило.

Он покачал головой, словно бы не поверив в свою догадку, но другого объяснения не находилось.

– Но ведь этого не может быть! – тихо воскликнул он и ступил в темный коридор.

Чтобы проверить предположение, нужно было перейти на другой конец этажа, свернуть налево – там, рядом с его комнаткой находилась лаборатория, где сотрудники изучали различные исторические свидетельства – от берестяных грамот до предметов быта разных эпох. Разумеется, все самое ценное прятали в сейфы, но... кое-что и оставалось.

Кирилл остановился, замер и прислушался.

КЛАЦ, КЛАЦ, КЛАЦ...

Сердце его забилось так быстро, что он пошатнулся.

Этот предмет не смогли поместить в сейф, слишком уж большой он оказался. Привезли его на прошлой неделе – ходатайствовал сам Анатолий Вячеславович и с трудом, с огромными бюрократическими препонами, все-таки им это удалось.

Кирилл миновал свой кабинет, свернул налево и посмотрел на белую дверь, над которой висела табличка с черными буквами «ЛАБОРАТОРИЯ».

Разумеется, внутри никого не могло быть. Он целый день работал буквально за стеной и не слышал ни единого звука.

Он подошел ближе, снова прислушался.

Ни шагов, никакой активности, выдающей присутствие человека – в данном случае, потенциального вора, он не расслышал. Зато очередное

КЛАЦ

заставило его вздрогнуть так, что он ударился лбом о косяк.

Кирилл резко нажал ручку и распахнул дверь.

В комнате стояла крошечная тьма и ему не сразу удалось сориентироваться. Спустя пару секунд он бросил взгляд вперед и влево, в угол комнаты. Там, на большом деревянном столе стоял аппарат, напоминающий пишущую машинку. Крышка его была откинута, и клавиатура с большими клавишами светилась тусклым желтым светом.

Он вспомнил, что пробовал включать аппарат днем и, видимо, забыл извлечь вилку из розетки.

Хлопнув себя по лбу, Кирилл быстрым шагом направился к столу, но на полпути замер как вкопанный.

КЛАЦ,
КЛАЦ, КЛАЦ,
КЛАЦ, КЛАЦ,
КЛАЦ,
КЛАЦ, КЛАЦ, КЛАЦ...

Аппарат заработал быстро, словно испугавшись, что Кирилл сейчас уйдет.
Это были не просто нажатия клавиш. Кто-то пытался передать сообщение.

Глава 1

1941 год

– Ч...что вы так д...долго?! – Спросил Петя, стуча зубами так сильно, что этот звук перекрывал даже вой ветра в облетевших ветвях черного леса. Раздвинув ветви поваленной сосны, он некоторое время вглядывался в лица друзей, пытаясь понять, все ли в порядке или нужно немедленно дать стрекача – неважно куда, лишь бы подальше. Однако кругом стеной стояли высоченные сосны и бежать было некуда.

Катя опустила ящик со вдохом спущенного шарика, села на него, вытирая пот, хотела было что-то ответить, но лишь махнула рукой – да и то, взмах этот, был скорее жестом полностью обессиленного человека.

Ее правая рука безвольно повисла вдоль тела и на мягкий дерн посыпались банки – круглые, большие и блестящие. Катя смотрела на них, будто бы не понимая, что происходит.

Лена охнула и тут же выскочила из-за вздыбившегося корня сосны, напоминающего в ночи какое-то мифическое чудовище с гигантскими щупальцами. Витя подумал, что она начнет собирать банки, но вместо этого она обняла девушку и принялась поглаживать ее по спине, что-то нашептывая на ухо. Только тогда он заметил, что Катяны плечи мелко дрожат и в ту же секунду почувствовал жуткую усталость. Будто целая огромная гора свалилась с его плеч и упала под ноги в виде тяжелых консервных банок.

– Я думала... думала не донесу, – еле слышно всхлипнула Катя. – Очень... очень тяжело было.

Лена на мгновение подняла взгляд на Витю, может быть, хотела спросить, почему он не взял хотя бы половину консервов, но увидев его, ссутулившегося на другом краю ящика, промолчала.

– Вы справились. Вы молодцы, – Лена поглаживала Катю по спине. – Мы так долго вас ждали, уже начали волноваться и хотели пойти в ту сторону, куда вы ушли. Но решили все-таки ждать здесь. Тяжелее всего – ждать. В следующий раз обязательно пойдем вместе. Заодно больше бы унесли.

Катя, казалось, не слушала ее, но судя по незаметным движениям руки, она соглашалась. Конечно, будь они вместе, утащили бы три или даже четыре коробки консервов. Но и опасность гораздо больше.

Витя посмотрел на свои руки. Ладони саднило от множества заноз – он только теперь почувствовал их колючие искры на ладонях, пальцах и запястьях. Конечно, большой вес приняла на себя Катя. Она тащила коробку с консервами, хотя Витя не понимал, зачем – он все еще пребывал у мирном и уютном будущем, где в любой момент о двадцати двух часов можно сбегать в универсам и купить все, что угодно – хоть хлеба, хоть картошки, пусть и не совсем хорошей, хоть... он подумал про конфеты и вдруг вспомнил, что сунул большой «Гулливвер» в карман спортивной кофты под курткой.

Осторожно расстегнув замок, он нащупал твердый прямоугольник.

«Ура! На месте, не потерялась!» – едва не вскрикнул он. Тут же, словно опомнившись, заурчал живот. Только теперь Витя почувствовал, насколько голоден. У него задрожали руки и потребовалось гигантское усилие, чтобы унять эту дрожь.

Витя достал конфету, мельком взглянул на улыбающегося великана и протянул Лене.

– Вот, возьми напополам с Катей.

Лена прервала свой тихий монолог, замерла, обернулась. Витя поймал ее благодарный взгляд.

– Спасибо, Вить.

Она взяла конфету и осторожно, точно какую-то драгоценность, развернула ее.

Коричневый прямоугольник выглядел так аппетитно, что Витя поспешил отвернуться.

– Катя, кусай.

Катя не отреагировала, но, когда Лена сунула конфету ей под нос, она встрепенулась, принялась, уголки ее губ чуть приподнялись – и она осторожно откусила маленький кусочек. Немного пожевала и повернулась к Лене.

– Мамочка... как вкусно-то! – произнесла Катя. Румянец постепенно возвращался на ее лицо. – Откуда это у вас?

Лена кивнула на Витю.

– У него было про запас.

– А что там в ящике? – рядом появился Денис, который казался свежее и бодрее остальных. Он присел на корточки и несмотря на отсутствующую линзу в очках, стал вчитываться в надписи черным цветом, нанесенные прямо на доски.

«Spezialbehandlung. Nicht werfen. Nicht schlagen. Bleib trocken».

«Особая осторожность. Не бросать. Не ударять. Держать в сухом месте»

– Мы этого не проходили еще... кажется, тут написано, что-то про осторожно, нельзя бросать. И мелким шрифтом еще, – сказал он, щурясь.

– Хрусталь, что ли? – вырвалось у Пети, который, цепляясь в темноте за ветки, в конце концов выбрался из-за корня сосны.

Увидев разбросанные по земле консервные банки, он беззлобно чертыхнулся и тут же бросился их собирать.

– Это вы молодцы! – выпалил он. – Не знаю, кто из вас догадался, но еда – это самое главное. – Тринадцать штук, банки по 400 граммов. Отличная тушенка!

Витя быстро прикинул: оказалось, Катя сверх тяжеленного ящика, тащила еще и килограммов пять консервов. Он оглянулся на нее и будь у него еще одна конфета, тут же бы отдал и ее. Но у него была только одна и та, – каким-то чудом.

– Зачем вы его тащили? – снова спросил Денис. – Наверное, очень тяжелый!

– Не то слово, – сказал Витя и устало пожал плечами. Он понятия не имел – зачем и всецело полагался на Катю. Она, видимо, что-то знала и вообще была «местная», если можно так выразиться. Местная – в смысле места и, что более важно – времени. Может быть, в ящике какая-то важная штукавина, которую они передадут Советской Армии и это поможет нашим как можно скорее победить? Или, например, без этого устройства немцы не смогут зарядить пушку, передать важное сообщение – да мало ли что, любая диверсия на фронте в отношении врага так или иначе нанесет ему ущерб. Он это понимал и разумеется, как и все советские школьники читал об этом в книгах и смотрел в кино.

– Так нужно, – буркнул Витя. Денис, кажется, удовлетворился этим ответом.

После «Гулливера» Катя ожила. Она привстала с ящика, потянулась, охнула, а потом неожиданно сказала:

– А, черт... велик-то я свой забыла у вас за домом... Придется возвращаться.

Она вдруг замерла, прислушалась, немного повернулась в одну сторону, потом в другую. Витя насторожился, но как он ни старался, ничего кроме отдаленной канонады и шума ветра слышать не смог.

– Хватай! – резко сказала Катя, обращаясь непонятно к кому. – Быстро, быстро! Они, наверное, обнаружили пропажу!

Лена беспомощно обернулась и посмотрела на Витю. В ее глазах застыл страх.

– Петька, собирай консервы! – прошептал Витя. – Скорей! – и принялся сам распихивать холодные банки по карманам. В каждый влезало не более одной, и одежда сразу стала неимоверно тяжелой и неудобной.

– Взялись! – скомандовала Катя.

Денис посмотрел на Витю. Они вместе схватились за ящик с двух сторон, а Катя подняла его спереди.

Выглядывающая сквозь быстро летящие тучи луна то и дело освещала их напряженные лица. Шумящий лес вокруг казался нереальным, ненастоящим и оттого еще более пугающим. Внезапно до них долетел гортанный крик, потом еще один и стало ясно – позади точно погоня. Витя почувствовал, как в ушах застучало, дышать стало неимоверно трудно. Проклятый ящик превратился в чугунный – но Катя упорно шла, точнее даже, волоклась, потому что нижняя часть ящика была ей по ногам.

И тут, сквозь шум ветра слух резанул злобный, какой-то срывающийся, лязгающий лай собак.

– Mamочка... – задрожал голос Лены. – Mamочка, я так боюсь собак...

Вите довелось столкнуться с овчарками, охраняющими овощебазу и он запомнил ту вылазку на всю оставшуюся жизнь – но то было дома, а здесь спрятаться было некуда.

Денис, запыхавшись, то и дело оглядывался – зубы у него стучали, но не от холода, как можно было подумать, а от страха и напряжения.

Катя слегка притормозила, втянула влажный прохладный воздух ноздрями, глянула через плечо и глаза ее сверкнули. В этот момент она походила на какую-то ведьму – в глазах заплясали огоньки злобы и Вите почему-то от этого стало легче, он словно бы прикоснулся к пылающему огню ненависти и подзарядился от него.

– Быстрее, к ручью! – она резко изменила направление и потянула отряд в чашу – такую непроходимую и колючую, что идти было практически невозможно. По лицу хлестали упругие ветви, иголки царапали щеки, норовя попасть в глаза. На руках не осталось живого места, – все они были изрезаны и исколоты, колючки просачивались сквозь штаны, скребли и впивались в кожу. Отряд, молчаливо и отчаянно, упрямо продирался вперед. Собачий лай позади подстегивал, гнал, страх бился в их жилах – одни в огромном лесу, на войне, а позади головорезы, которые готовы на все.

«Вот тебе и Зарница, – подумал Витя, холодея. – Самая что ни на есть, настоящая». И когда ноги вдруг резко ушли вниз, тело заскользило по влажной траве, он вцепился в ящик, как в спасательный круг, не представляя, что их ждет дальше.

Так, впятером, даже не успев понять и осознать, что происходит, они съехали прямо в ручей.

Ноги тут же погрузились в ледяную воду по колена, однако ящик вдруг полегчал и сначала утонул почти наполовину, всплыл, медленно переваливаясь с одного бока на другой.

Катя оглядела их и виновато буркнула:

– Другого выхода не было. Собаки обязательно бы на нас вышли. А спускаться медленно – слишком долго.

Витя посмотрел под ноги. Темные стебли какой-то травы оплели его штаны и, медленно покачиваясь, вытянулись вдоль течения. Вода была очень холодной, он прекрасно понимал, что долго они так не протянут.

Хорошо, что мама этого не видит, – подумал он.

– Наш дом там, – указала Катя куда-то налево. – А вы меня встретили вон там, – она кивнула в сторону пологого бережка, который в темноте выглядел совершенно незнакомо. – Можно, конечно, выйти прямо здесь, но они увидят наши следы. Поэтому некоторое время, может быть метров пятьсот, придется идти по воде. Держитесь друг друга, иногда тут попадаются ямы.

Она взяла ящик за доску для переноски и пошла вперед – он плыл с ней рядом, словно ручной.

Витя нащупал руку Лены, ледяную и какую-то скрюченную. Девушка дрожала как осиновый лист. Лицо ее было совершенно белым.

– Нужно идти, – тихо сказал он.

Она кивнула.

– Дэн, ты как там?

Денис не ответил, только мотнул подбородком, мол, давайте уже, идите.

Петя замыкал строй. Его тихий басок расслышали все:

– Говорил мне папа, обливайся по утрам холодной водой. А я все думал, где это может пригодиться? Ну вот... теперь понятно, где.

– Теперь будешь обливаться? – спросил Денис дрожащим голосом.

– Думаю, мне этого до конца жизни хватит.

– А я люблю холодную воду, – тихо сказала Лена. – Она какая-то особенно чистая.

И правда, когда Луна выползала из-за туч, дно ручья проявлялось до последнего камешка и травинки, а иногда – буквально на мгновение из-под ноги вырывалась и мгновенно исчезала в темноте серебристая спинка мелкой рыбешки.

Катя шла впереди и постоянно оглядывалась, не произнося ни слова. Можно было подумать, что она вообще не чувствует холода, но Витя знал, что она точно такая же, как и они сами, только более, что ли подготовленная. Хотя как к такому можно подготовиться, он понятия не имел. Разве что следовать совету Петькиного отца. Но теперь уже было поздно.

Лай сначала усилился, по крайней мере так казалось, потом сместился назад, за спину и постепенно начал отдаляться. Немцы явно потеряли след.

Небольшая группа шла против течения, которое было не сильным, но все равно ощутимым – ноги то и дело цеплялись за коряги, приходилось друг друга поддерживать.

В какой-то момент Витя перестал ощущать пальцы ног. Икры стали каменными. Он боялся взглянуть на Лену и лишь отсвет лунного света от ее лица, да ладонь-ледышка в его руке говорили, что она еще рядом. Два раза она оступилась и упала, намкнув почти полностью. Денис с Петей помогли поднять ее – они забрали у нее консервы и кое-как тащили их.

– Здесь! – Катя остановилась, указав на кусты и темнеющий проход между ними. – Выходим.

Из последних сил, хлюпая по земле, они выбрались на берег и вместе вытянули ящик, который теперь стал почти неподъемным. Избы отсюда не было видно; от бессилия и усталости у Вити на глаза навернулись слезы.

Руки перестали дрожать – он их просто не чувствовал, как и остальное тело.

– Хватайте, хватайте! – яростно зашептала Катя, а ему хотелось все бросить, улечься на мокрую землю и лежать, уставившись в черное небо. – Не спать! Еще немного! Давайте, вы же пионеры! Ребята! – Она говорила что-то еще, про войну, про фашистов и про то, что скоро мы победим, а потом они вместе поедут в парк аттракционов, купят по десять мороженных и будут кататься до упаду на каруселях. Но это потом, хотя и совсем скоро, но, чтобы оно наступило, это скоро, нужно прямо сейчас пересилить себя, взять ящик, консервы и снова идти.

Когда они отошли от ручья метров на двадцать, Катя вернулась, руками подняла примятую траву и камыш, замела следы.

– Теперь можно идти, – сказала она.

Витя закрыл глаза и взялся за ручку ящика.

Когда он снова открыл их, они были уже возле дома, у самых его ступеней.

Он думал обрадоваться, но не смог.

Вчетвером они втащили ящик в дом – потом он взял Лену за руку и подвел ее к печке – та была еще теплая. Уперевшись ладонями о шершавую стену, они стояли, боясь шелохнуться, пока жизнь не начала к ним возвращаться.

Катя очнулась первая. Нехотя отошла от печки, скинула мокрую одежду, оставшись в одной майке и длинных, черных, похожих на солдатские трусы, кальсонах.

Хотя в доме почти ничего не было видно, Витя стыдливо отвел взгляд от ее голых ног, однако, похоже она ничего не заметила. Или сделала вид, что не заметила.

– Быстро, ребята, раздевайтесь пока печка не остыла, нужно просушить одежду. Печку по новой мы затопить не сможем – дым сразу увидят немцы.

Витя взглянул на Лену. Она стояла, не шелохнувшись, и, кажется, оторвать ее от печки было невозможно. Тогда он осторожно прикоснулся к вороту куртки, опустил одну ее руку и принялся снимать. Лена поддавалась без звука.

– Пусть лезет на печку, – сказала Катя. – Там еще осталось тепло.

Витя снял с Лены куртку, стащил с нее спортивную кофту – все было мокрое и холодное и остановился в нерешительности. Снять штаны с девушки он не мог.

– Давай я помогу, – Катя отстранила его легким движением. – А ты пока развесь мокрую одежду.

– А если немцы? – вырвалось у Пети.

– Вешай быстрее!

Витя принялся развешивать одежду Лены и краем глаза заметил, как Денис отыскал в углу дома какое-то покрывало и протянул Кате. Та укутала Лену с ног до головы и помогла ей забраться на печку.

– Грейся, – скомандовала она.

Лена не сопротивлялась.

Там же в углу Денис нашел несколько старых мужских штанов, рубашек, свитеров и какое-то подобие полушубка. Скинув свою одежду, он без сомнений облачился в это старье и кивнул друзьям.

– Давайте, одевайте, сразу теплее станет.

– А вдруг там... пауки? – спросил Витя.

– Ну как хочешь.

Витя разделся и с отвращением посмотрел на протянутую одежду. От нее пахло пылью, потом и ядреным табаком, выглядела она так, будто бы год пролежала на мусорке – иногда по дороге в школу он замечал свисающие с грязного бака штаны или свитер. Но делать было нечего. Скрипя зубами, он сунул ноги в просторные штанины, содрогаясь, надел майку и поверх – старый толстый, изъеденный молью и весь в дырах свитер. И только когда стало тепло, он вдруг подумал, что лучше уж с жуками и пауками, молью и, даже мышами в карманах, но в тепле – и с благодарностью подумал о мужчине, который когда-то носил все это.

Петя еще минут пять сидел в мокрой одежде, но потом, словно решившись, кивнул самому себе и облачился в рванину.

– А что... – сказал он, когда почувствовал тепло. – Может быть, это не так уж и модно, зато по сезону.

Витя улыбнулся.

– Кто носит фирму «Адидас», тот будет мокрый как... – не закончил Денис свой экспромт, явно намекая на спортивный костюм Пети.

– Тот будет мокрый как баркас! – вдруг сказала Катя.

Они засмеялись все вместе.

Катя достала из-за пазухи складной нож и взрезала консерву. По избе пошел запах мяса – настолько ароматный и вкусный, что Витя чуть не упал в обморок.

Покачав головой, Катя открыла еще одну банку.

– Будем экономить. Неизвестно, сколько нам придется тут сидеть.

Денис залез в свою сумку и вытащил оттуда четвертинку черствого хлеба и вилку.

Разломил хлеб на пять частей, каждому досталось совсем по маленькому кусочку.

Такой вкусной тушенки Витя давно не ел. Сверху консервы виднелась прослойка белого жира, его было не очень много и раньше бы он просто выбросил эту гадость в мусорку, но теперь даже и не думал – с маленьким черствым куском хлеба тушенка казалась божественно вкусной.

С Денисом и Петей они разделили банку поровну. Мясо кончилось очень быстро. Витя с сожалением подумал, что добавки попросить нельзя.

Судя по лицу Пети, у того были похожие мысли.

– Никогда не думал, что консерва может быть такая вкусная, – сказал Денис.

Петя кивнул.

– Я тоже. Все время этот жир раньше выбрасывал.

– И я, – сказал Витя. – Вообще не понимал, кто его ест.

Они посмотрели на дно пустой банки и улыбнулись друг другу.

– Может попробовать чай разогреть? – предложил Витя.

Катя стояла у входной двери и всматривалась в приоткрытую шелку.

– Только воды много не набирай, – сказала она, увидев, как Витя взял посудину и направился к выходу. На ногах его были большие кирзовые сапоги, которые нашлись под печкой. – И не греми ведром.

Проходя мимо стола, Витя увидел, что в банке тушенки для девочек осталось больше половины. Для Лены, – подумал он и глянув на Катю, зауважал ее еще больше. Несмотря на абсолютную внешнюю схожесть с современными девчонками, было в ней что-то особенное, что сразу и не разобрать. Какая-то твердость духа, что ли.

Катя достала из печки несколько тлеющих угольков, настругала с досок от немецкого ящика щепок и закинула все это в самовар.

Через десять минут они уже пили горячий чай, точнее кипяток с несколькими оставшимися крошками чая и капелькой варенья, и этот чай казался чем-то неземным.

Катя тем временем разбудила Лену и та, покачиваясь, завернутая в покрывало, присела на скамью у стола. Глянув на тушенку, она сначала отказалась, но попробовав кусочек, уже не могла остановиться.

Катя постоянно бегала к двери и подолгу всматривалась в шелку, а когда они допили чай, девушка подтащила ящик к столу и кивнула:

– Ну что, посмотрим наши трофеи? Надеюсь, мы несли его не зря...

Глава 2

1941 год

– Ну наконец-то! – Денис не мог сдержать своих эмоций. Он то присаживался на скамью у стола, на котором в блюдечке горела свеча, то вставал и отходил к печке, чтобы погладить еще теплую стенку, то замирал возле ящика, буквально впиваясь в надписи на немецком языке. При этом он шевелил губами, будто пытаясь вспомнить то или иное слово, качал головой и сокрушенно вновь вскакивал.

– Говорила Наина Вячеславовна, учи слова, пригодится. Зачем, спрашивал я у нее, помните? Помните?!

Все, кроме Кати, конечно, помнили. Дотошный Денис вечно доводил училку по немецкому своими вопросами и в конце концов она как-то выпалила (хотя никогда вообще не позволяла себе повышать на учеников голос):

– Вот попадешь на войну, Крутов, тогда узнаешь зачем. И вспомнишь мои слова.

Класс рассмеялся – негромко, но вполне отчетливо. Ни о какой войне и речи не шло. По крайней мере, с немцами. А вышло вон оно как.

– Был бы у меня сейчас хоть маленький словарик и все стало бы ясно, – сказал он, глядя как Катя обошла ящик, обдумывая, как его открыть.

Петя взял свечу и поднял ее выше.

– Руками его не сломать, – сказал он задумчиво. – Если уж он с горы упал и хоть бы хны... Крепкий, зараза!

Катя вытащила раскладной нож, попыталась подковырнуть металлическую ленту, скрепляющую доски, но это было все равно, что пилить перочинным ножом сосну – плотно подогнанные доски даже не шелохнулись.

– Может попрыгать на нем? – предложил Петя.

– Только если тебе, тогда точно проломится, – сразу же ответил Денис, намекая на полноту одноклассника, но тот даже ухом не повел.

– Как думаешь, что там? – опять спросил Денис, обращаясь к Пете, который со свечкой ходил вокруг ящика.

– Может оружие? – предположил Петя.

– Было бы хорошо.

– Как будто вы будете стрелять, – заметила Катя, но не в укор, а мягко, не вызываяще. – Это только в кино легко.

Петя вздохнул:

– Это точно. В кино все легко.

– Кажется, я нашел! – послышался голос Вити из чулана, который располагался возле входной двери.

Он вышел, перекидывая в руках небольшой топорик, такие обычно применяются для разделки мяса.

– Пойдет, – согласилась Катя. – Давай я попробую.

Лена сидела за столом, обхватив теплую кружку с чаем ладошками и молча наблюдала за происходящим.

Витя на мгновение замешкался, – ему хотелось самому разделаться с ящиком, к тому же он имел на это право, как нашедший инструмент, но он почти сразу протянул инструмент девушке. Никто и не заметил этой заминки.

Катя взяла топор, легко махнула им в сторону, будто примеряясь, затем слегка отстранила Петю и вонзила топорщице между досок. Напряглась. Плотно подогнанные доски сначала даже не сдвинулись. Тогда она налегла на ручку своим весом, ящик угрожающе закрипел, что-то внутри его лопнуло.

Она поддела стальную ленту и та, зазвенев сорвалась с ящика.

Петя инстинктивно отошел еще на шаг.

– А вдруг там бомба? – спросил он с тревогой в голосе.

Катя покачала головой.

– Даже если так, то она не заряжена. Зарядим и вернем ее фрицам в целости и сохранности!

Денис негромко засмеялся, но тут же замер, потому что одна из досок сорвалась с крепления, чуть не ударив его по ноге.

– Посвети, что там! – попросила Катя.

Петя нетвердым шагом подошел ближе, но внутри, сколько хватало неяркого света свечи, ничего не было видно. Какая-то черная упаковка, промасленная бумага или ткань выглядывали из рваной щели.

– Придется ломать целиком, – сказала она. – Ну и хорошо, все равно дрова понадобятся.

Витя подошел ближе, ему тоже не терпелось увидеть содержимого ящика, к тому же, что ни говори, а именно он и Катя вытащили трофей из грузовика и волокли его, сгибаясь под тяжестью груза.

– Вот бы там был магнитофон, – вдруг вырвалось у него помимо воли.

Лена удивленно посмотрела на одноклассника. Денис усмехнулся, а Петя развел руками:

– Самое время танцевать...

Только Катя не поняла сказанного.

– Магнитофон? Так ты сказал? Что это такое?

Витя подумал, что допустил оплошность, но было уже поздно.

– Это такая штука... чтобы слушать песни и... вообще, что угодно.

– А, типа радио, что ли?

– Ага. Типа радио. Только передача идет не по радиоволнам, а записывается на специальную магнитную пленку.

Катя покачала головой.

– Чудная штука какая-то. Никогда о таком не слышала.

Ребята переглянулись. Судя по всему, Катя до сих пор не приняла всерьез их объяснения. Хотя по-настоящему ведь они так и поговорили – все куда-то бежали, спасались от налета, потом шли в ее деревню, которая оказалась занята фашистами, а теперь вот заняты вскрытием трофея.

Витя замолчал, опасаясь, как бы кто из ребят не продолжил тему – тогда волей-неволей придется что-то рассказывать. Хотя его так и подмывало поведать странную историю про магнитофон и то, что таким же образом он мог бы попытаться передать сообщение в будущее, чтобы предупредить родных и близких и попросить помощи. Он был уверен, что парень, который с ним общался (Витя, конечно, не поверил, что это был он сам), наверняка что-нибудь бы придумал даже в такой непростой и даже вовсе фантастической ситуации. Но как об этом расскажешь, не вызвав смех и дружеские подзуживания? Он был уверен, что историю с магнитофоном сочли бы нелепой байкой.

Скорее всего, магнитофоны еще не изобрели, раз Катя о них не слышала.

Она отковырнула еще одну доску, за ней еще – ящик нехотя раскрывал свое чрево, расползался на части, но казался все еще крепким. Теперь даже Лена слегка приподнялась из-за стола, чтобы лучше видеть происходящее посреди избы, будто бы Катя открывала не обычный

деревянный ящик, пусть даже и трофейный, а самый настоящий ящик Пандоры. Неизвестно, что спрятали туда фрицы и какая тайна хранится за этими плотно подогнанными досками.

Наконец последняя доска отвалилась, едва не полоснув Петю по ноге и на деревянном поддоне-основании появился черный предмет. Черным он был из-за очень плотной промасленной бумаги, похожей на ткань, обтягивающей скрытый под ним предмет.

– Во запаковали! – удивился Денис. – Точно какая-нибудь полезная штукавина. Зуб даю!

– Я даже в кино такого не видел, – признался Петя. – Хотя пересмотрел, наверное, все фильмы про войну.

Катя искоса взглянула на него, хотела что-то сказать, но передумала, снова вынула свой ножик и вонзила лезвие в ткань.

Черное полотно сухо зашелестело. Ребята замерли. Лена не выдержала и вышла из-за стола, склонившись над ящиком.

Наступила тишина. Бесперывно воющий в разбитых стеклах ветер вдруг умолк. Даже отдаленная канонада стихла.

– Ну что там? – едва слышно прошептал Денис.

Витя нащупал руку Лены и сжал ее. Она была теплая. Он чувствовал, как в груди быстро бьется его сердце, будто бы от содержимого этого ящика зависело их будущее.

Нож пропорол плотную ткань, она распалась на две половинки, обнажив внутренности трофея.

На блестящей серебристой подставке, в жесткой металлической клетке находился еще один ящик, только сделанный уже из какой-то ценной породы дерева, отполированный, притягивающий взгляд как магнит. На его торце блестел открывающий механизм в виде элегантной щеколды.

– Ни фиги себе... – прошептал Витя.

– Вот это да... – свеча в Петиних руках слегка задрожала.

– Я же говорил! – возбужденно присвистнул Денис.

Катя шмыгнула носом.

Ее рука потянулась к защелке, но Петя остановил ее.

– Давай на стол поставим, – предложил он. – А то свечу держать неудобно.

Катя секунду подумала и кивнула.

Промучившись еще минут пять над защитной клеткой, они извлекли содержимое и водрузили его на стол.

– Ну что, открываем? – тихо спросила Катя. Теперь, когда предмет стоял на столе ее решительность вдруг будто бы испарилась.

– Конечно! – Петя поставил свечу на стол. Его руки наконец-то освободились, и он сделал нетерпеливый жест.

– Возможно, лучше бы это не трогать, – задумчиво сказала Катя.

– Да ну! Ты чего?! – чуть ли не закричал Денис. – Вы рисковали жизнью, чтобы его достать! И мы тоже... – добавил он, – когда тащили его. А теперь еще и заболеем ангиной из-за переохлаждения, это сто процентов. Открывай!

– Я согласен. Открывай, – повторил его слова Петя.

Катя посмотрела на Лену.

– Мне тоже не нравится этот ящик. Что-то в нем... странное.

– Значит, два голоса за и два против, – сказала Катя. – Остался решающий. Ты, Витя. Что ты скажешь?

Все глаза устремились на него, и он вдруг почувствовал, что именно сейчас, в эту секунду решается их будущее. Почему так – он сказать не мог, но бывают в жизни моменты, когда ты уверен, – время икс наступило. Именно от того, какое решение ты примешь в эту секунду, будет зависеть вся твоя будущая жизнь.

Что же такого в этом моменте? – подумал он. Ладони вдруг вспотели. Что-то произойдет, когда они откроют ящик. Но что именно? Обязательно ли это приведет к чему-то плохому?

Он попеременно смотрел то на блестящую защелку на лакированном ящике, то на лица друзей.

Лена медленно качала головой, как бы говоря ему – «Скажи – нет. Умоляю тебя, просто скажи нет, потому что...»

Он не смог прочитать в ее глазах ответ, причину ее страха. Она боялась будущего и в их ситуации это было абсолютно естественно. Но ведь не каждый выбор приводит к плохому исходу. Иногда нужно решиться на то, чтобы шагнуть в неизведанное. Открытыми глазами посмотреть вперед. Сделать выбор.

Витя склонил голову. Плита времени словно нависла над их маленьким отрядом, – хмурая, безрадостная и жуткая, такая, что он физически ощущал ее тяжесть. Витя переступил с ноги на ногу, сунул руки в глубокие карманы штанов и вдруг нащупал там спичечный коробок, который тихо, но настойчиво вибрировал. Он переложил его из мокрой одежды и совсем забыл про него. Шершень пытался выбраться на волю. Витя вспомнил, что еще утром насекомое было сухим и мертвым. А теперь вдруг ожило. Почему?

Он подумал и тихо сказал:

– Открывай.

Глава 3

1941 год

– Идем в раздевалку, здесь небезопасно, – сказал отрывисто мужчина и, не оборачиваясь направился к низенькому строению, располагавшемуся позади основной чаши стадиона.

Шаров оглянулся. Ловушка? Но кто мог знать, что он направлялся сюда? Еще есть пара секунд, чтобы убежать. Мысли теснились в голове. Мужчина продолжал идти к темной двери, не оборачиваясь.

Шаров вздохнул. Он проделал этот сложный и опасный путь, едва избежал задержания, вылез из окна, попал под пули – и все это зря? Нет, он должен получить ответы. Или, по крайней мере, понять, что делать дальше.

Нехотя он тронулся вслед за мужчиной. Тот уже подошел к приземистому строению, вынул из кармана ключи, вставил один в замочную скважину, повернул два раза и дернул дверь на себя. Дверь отошла с легким скрипом. Петли давно не смазывали.

У Шарова забилося сердце.

Сколько раз он видел открытую дверь раздевалки и сосредоточенные лица соперников внутри? Десятки? Сотни? Кажется, он даже чувствовал запах пота из темного проема, хотя конечно этого не могло быть – довольно сильный и холодный ветер дул без устали и единственный запах, который он сейчас ощущал был запах пороха.

– Проходи, – сказал мужчина сухо. Странно, но в его голосе Шаров расслышал если и не одобрение, то намек на него. – Честно говоря, я думал, ты убежишь, – раздался его голос из темноты, когда они прошли внутрь и дверь закрылась, отрезав путь к отступлению. Они оказались в черной обволакивающей и сырой пустоте, напротив друг друга, так близко, что Шаров ощущал дыхание этого человека на своем лице. Легкие нотки табака, смешанные с едва заметным коньячным ароматом.

В памяти вдруг всплыла коробка кубинских сигар, которые Шаров протягивает человеку, лицо которого скрыто развевающимся красным флагом – вокруг какое-то празднество, шум толпы, громкая музыка, вокруг красивые девушки и атмосфера всеобщего веселья... ему всегда казалось, что это сон.

А теперь и эта раздевалка, запах которой он узнал бы из миллиона. Ему не было страшно, скорее любопытно. Шаров прикрыл веки и представил...

Справа шкафчики спортсменов, слева длинная скамейка, над ней два небольших окошка. На стене большой календарь соревнований в виде таблицы с названиями первенств, городов и стадионов, под ним столик с несколькими бутылками минералки и высокой изогнутой вазой, в которую ставили цветы, подаренные поклонниками по дороге в раздевалку.

Чуть дальше за шкафчиками еще одна дверь и небольшая душевая на трех человек. Вот и все спартанское убранство.

Пол дощатый, стены выкрашены белой краской. На потолке две лампочки, но их почти никогда не зажигали, потому что соревнования проходили днем и света из окошек как правило, хватало.

– Представил? – спросил тренер.

Шаров вздрогнул.

Откуда он мог знать, о чем я думаю? – мелькнула у него мысль.

– Все как прежде, – прошептал Шаров.

– Да.

Раздался щелчок выключателя и в раздевалке вспыхнул неяркий и какой-то дрожащий свет.

Шаров инстинктивно глянул на окна. В обороняющейся Москве он пробыл менее суток, но уже прекрасно знал, что ни один луч света из помещений и зданий не должен вырваться наружу. Вражеские самолеты-разведчики кружили над городом словно грифы-падальщики. Попадаться по такой глупости ему не хотелось.

– Не бойся, я все зашторил, – усмехнулся мужчина. – Но навлекать беду и тратить электричество не будем. Надеюсь, ты сравнил свои ощущения с увиденным.

Шаров огляделся. Комната удивительно походила на ту, что нарисовало его воображение. Разве что шкафчики спортсменов были закрыты, а ваза на столе пуста. Только пара увядших лепестков лежало возле нее.

Или все же это было не воображение? Тогда что? Он потряс головой, пытаясь смахнуть наваждение и в это мгновение свет в раздевалке погас.

– Я тебе свою часть рассказал... – послышался голос в темноте. – Теперь твоя очередь. Раз уж пришел, говори.

Далеко на западе протяжно ухнуло, взвыл сигнал тревоги, снова заработали зенитки. Пытаясь успокоиться и найти подходящие слова, Шаров сжал кулаки. Потом разжал их, но слова не приходили. Он попросту не знал, что сказать, как объяснить свою ситуацию этому человеку. Он не знал, в каких они были отношениях и что связывало их. Единственное разумное объяснение, которое пришло в голову состояло в том, что, вероятно, тот парень был очень похож на него, может быть даже, какой-то дальний родственник, о котором он никогда не слышал. Однако, насколько он знал, никто в его семье никогда не увлекался спортом и уж тем более не достигал вершин. Будь иначе, он, разумеется, знал бы об этом.

Но даже если кто-то и бегал, мало ли – какое лично он, Илья Шаров имеет к этому отношение. Если какой-то его дальний родственник, когда-то в прошлом напортачил, подвел этого мрачного мужчину – он к этому не причастен – те времена давно прошли, а стадион вообще изменился до неузнаваемости и теперь называется «Локомотив».

– Ну что молчишь? – тяжелым голосом спросил тренер. Почему-то Шаров про себя называл мужчину тренером.

– У меня за городом дети. – Шаров почувствовал, как нелепо звучат его слова, но продолжил без паузы: – Отряд детей... я тренировал их... и нас... в общем, мы оказались без еды и без помощи... так получилось, что мне нужно позаботиться о них. Вернуть их родителям. И я... не знаю, что делать. Поэтому пришел сюда. Наверное, зря.

Хотя Шаров почти не различал лица мужчины, он увидел, как мрачное выражение его изменилось. Ему показалось, что тренер удивился.

– Ты? О ком-то заботишься кроме себя?! Это что-то новенькое...

Шаров пожал плечами.

– Как есть... я не знал, куда идти и кому обратиться, вот и пришел... Они там голодные и я боюсь, чтобы кто-нибудь не нашел их и не причинил вреда. Насколько я понимаю, там совсем рядом линия фронта, и она быстро... приближается к Москве. Я отвечаю за них. И еще... если хотите правду, я не знаю, кто вы. Я не помню ничего из того, о чем вы сказали. Я никогда... – с языка едва не сорвалось утверждение, что он никогда не делал ставки на результаты спортивных событий, в том числе и с собственным участием. – ...никогда здесь не был. – Он обвел взглядом раздевалку.

Тренер уставился на него немигающим взглядом. В комнате повисла напряженная тишина, которую нарушала лишь далекая канонада.

– Мда... Что за дети? – коротко спросил мужчина.

Шаров вздохнул и переступил с ноги на ногу.

– Отряд пионеров. Мы проводили «Зарницу» в школе... это военно-патриотическая игра, когда...

– Все давно эвакуировались... какая игра?

Шарову нечего было на это ответить.

– Если бы не они, я бы сюда не пришел.

– Если бы я не знал тебя, я бы тебе не поверил. Но... по голосу слышу, что сейчас тот редкий случай, когда ты говоришь правду. Странную, какую-то несуразную, но... правду. Понятия не имею, откуда там дети, да и знать не хочу, но... ты разговариваешь... как-то не так, выглядишь будто-то бы по-другому. А еще у тебя обувка странная. В этом все дело?

– Да, – тихо сказал Шаров.

– Я надеюсь, ты не шпион?

– Нет. Если хотите...

– Нет, – отрезал мужчина. – Я уже ничего не хочу. Ты эту кашу заварил, тебе и расхлебывать. Кем бы ты ни был в прошлом, сейчас ты какой-то другой. Я понятия не имею, где ты мотался все эти годы, тебя искали такие люди, которые найдут иголку в стоге сена. А раз тебя не нашли, значит, ты был где-то очень далеко.

Шаров молчал, не зная, что сказать.

Мужчина тоже замолчал, поднял руку и достал из внутреннего кармана бумажник – так, по крайней мере, показалось Шарову.

Он открыл его, что-то вынул и подошел ближе. В его руках появился маленький фонарик. Тонкий желтоватый луч едва выхватил из темноты потрепанную фотокарточку, напечатанную на тисненой фотобумаге.

Шаров всмотрелся в счастливые лица людей. У арки под надписью «Стадион имели И. Сталина» рядом стояли два человека, высокий мужчина лет сорока пяти, и он сам, молодой, вихрастый, в черных спортивных трусах и белой майке с эмблемой «Динамо». В руках он держал бутылку лимонада.

Шаров покачал головой. В груди кольнуло, будто бы он услышал отголоски того прекрасного вечера, когда была сделана фотография.

– Помнишь? – коротко спросил тренер.

Он покачал головой.

– Нет.

Мужчина перевернул фото.

На обороте аккуратным почерком было написано:

«Любимому тренеру Александру Андреевичу от Андрея Емельянова. 1937 год»

– Это за неделю до того, как... все случилось. Ты выиграл какой-то старт, я уже не помню, был довольный и счастливый. У тебя под мышкой сумочка светлая... она не очень большая... ты прости, я заглянул в твой шкафчик, когда ты еще не вернулся. Помнишь, что там было, в сумочке?

Шаров снова покачал головой, но его пробил холодный озноб. Хорошо, что в темноте этого не было видно.

– Нет.

– Понятно, – вздохнул тренер. – Там были деньги, Андрюша. И это была не зарплата, не премиальные. Мы столько никогда не зарабатывали, сколько у тебя там лежало.

Шаров не выдержал:

– А здесь, на фото, вы уже знали, что в сумочке или нет?

Тренер откашлялся. Вопрос застал его врасплох.

– Да, – наконец ответил он. – Знал.

– И сделали вид, что все нормально.

– А что я должен был сделать? У нас чемпионат СССР через неделю. Выяснить, откуда взялась такая сумма? Ты был уже взрослым человеком. Конечно, все это нелегально, но – это твоя жизнь.

– И сколько же там было?

Мужчина шмыгнул носом. Очевидно, ему было неловко отвечать на эти вопросы. Однако, Шаров не отступал. Он чувствовал, что за чем-то он должен это знать.

– Около пяти тысяч. Кажется, сотни не хватало.

– Это ведь приличная сумма.

– Десять моих зарплат, – сказал тренер.

– И что я с ними сделал?

– Это уж тебе лучше знать...

– Но я не знаю...

Тренер пожал плечами, потом протянул фотографию Шарову.

– Видишь там под колонной, левее тебя, поодаль, стоит человек в белом костюме и смотрит прямо в объектив? Это он. Ты наверняка должен его знать. Он дал тебе эти деньги. Он потом устроил это... со мной.

Шаров взял фото в руки, всмотрелся в лицо человека, на которого показал тренер. Если не приглядываться, то его почти не было видно – за толпой размахивающих руками болельщиков, скрытый по пояс пышными кустами, он смотрел из-за колонны холодным колючим взглядом. Шаров хотел было повторить то, что произнес уже много раз – «нет, не знаю, не помню». Но этот человек был ему знаком.

Он почти не изменился, только сменил костюм и фасон шляпы стал более современным, а так – то же самое лицо, холодное, жесткое, словно вырубленное из куска мрамора. От его прищуренных глаз за версту веяло опасностью. Несомненно, это был тот же самый мужчина, который заходил к нему в раздевалку перед последним стартом. Это был он. Не похожий на него человек, не двойник, а он самый.

По спине Шарова побежали мурашки. Как такое могло быть?

– Вижу, что узнал, – усмехнулся мужчина. – Как бы то ни было, это теперь твои дела. Я не знаю, чем могу тебе помочь. – Тренер колебался. – Через час я ухожу на призывной пункт и больше мы никогда не увидимся. Скорее всего, я не вернусь... поэтому... – он снова опустил руку в карман. – Возьми.

Шаров протянул руку и на его ладонь лег ключ.

– Ты помнишь, где я живу?

– Нет.

Тренер назвал адрес.

– Там никого нет. Все соседи на фронте или уехали в тыл. На первом этаже осталась баба Ира, она глухая и плохо видит. Можешь там переночевать или... в квартире есть небольшие запасы. Если приведешь своих пионеров, на первое время вам хватит. Но долго там оставаться тоже нельзя. Мне кажется... этот человек наблюдает за домом. Не всегда. Но пару раз мне казалось, я видел за углом его лицо. Жуткое... такое не забудешь.

Он покачал головой.

– Не знаю, Андрей... или как там тебя сейчас зовут... во что ты вляпался... но... будь осторожен. Этот гад способен на все. – Мужчина вдруг коротко обнял Шарова, странно всхлипнул, распахнул дверь и быстро вышел.

– Прощай, – бросил он перед тем, как дверь захлопнулась. – Не поминай лихом.

Шаров в оцепенении стоял еще с минуту, потом бросился за ним, но мужчина уже исчез в темных зарослях.

– Тренер... – прошептал Шаров. – Александр Андреевич... простите меня... за все. – Он почувствовал, как сжимается его грудь и слезы наворачиваются на глаза. Остановился, вдох-

нул, посмотрел в темное небо. Белесые облака, сминая друг друга, летели с востока на запад и не было им ни конца ни края.

Глава 4

2010 год

– Почему никто из нас ничего не помнит? – Лиза брезгливо смахнула крошки со старого, покрытого сплошными царапинами стола. – На мой взгляд, это самый главный вопрос. И пока мы не найдем на него ответ, вряд ли сможем продвинуться в... – она запнулась, обвела взглядом кабинет со старой мебелью и тусклой лампочкой, когда-то принадлежавший командиру части, затем продолжила: – ...в этом... в этом странном деле. И если так, если на этот вопрос не найдется ответа, я просто заберу свой перстень – она выразительно посмотрела на Шарова и уйду, как мы и договорились. Надеюсь, никто не будет на меня за это в обиде.

За окном кабинета воинской части №22653 наступила ночь. Пустынный плац, на котором они когда-то стояли, радостно ожидая свистка, оповещающего о начале «Зарницы», утопал в кромешной тьме, но Виктор то и дело вздрагивал, будто бы уловив голос или шарканье сапог или звук мотора какого-то транспорта. Он заметил, что одноклассники, да и сам Шаров тоже периодически бросают взгляды на занавешенные створки.

– Насчет Витя и Лены еще как-то можно понять... вас обработали в психуш... простите, больнице, может быть, гипноз или другие методы. Сейчас действительно существуют способы заставить забыть что угодно... – она посмотрела на Петра, который молча сидел рядом с ней и потягивал чай из пластикового стаканчика. – Но как быть с нами? Я, Петя, Денис, Давид... нас никто не обрабатывал, мы избежали инквизиции...

Вопрос повис в воздухе.

Виктор посмотрел на Лену. В больнице девушке досталось сильнее остальных, но вряд ли она знала ответ. Однако... что-то она однозначно помнила. И он помнил. Не все, урывками, вспышками, фрагментами. А эти четверо – нет. Ничего.

Она взглянула на Шарова, но тот лишь пожал плечами.

Битый час они потратили, пытаясь воскресить в памяти события двадцатилетней давности, но пришли к одному выводу – после взрыва гранаты, брошенной Червяковым в озеро, память словно обрывается. Черная звенящая пелена в ушах, жуткая невыносимая боль и яркие вспышки в глазах. Все это признаки контузии. Но что было потом?

– После взрыва я пришел в себя в санатории в Сочи, – сказал Петр. – Кажется, через неделю. На стене висел календарь, на котором было написано «Санаторий «Металлург». г. Сочи 1984 г.» А до того момента какие-то светлые и темные пятна, перед глазами сплошная карусель. Сейчас иногда, когда засыпаю, я будто что-то вижу, причем знаю, что это – оно, то, что от меня скрыто. Мелькнет и исчезнет. Хотел бы вам помочь, но... все это так нечетко и расплывчато! – Он развел руками. – В санатории меня всячески ограждали от любой информации – ни радио, ни телевизора, даже «Пионерскую правду» и мой любимый журнал «Юный техник» и те запретили читать. Единственная отрада – огромный бассейн со сводчатым потолком и я плескался там до упада.

– Ты тоже любил «Юный техник»? – удивился Денис. – По тебе я бы не сказал.

Петр вскинул брови, но явно не обиделся. Легкий характер, которым он обладал с детства, сохранился до сих пор и скорее всего, именно этот характер помогал ему сносить бесконечные смешки одноклассников по поводу его излишнего веса.

– Я даже получал особенное приложение к нему! Ты вот, например, знал, что такое было?

– Это какое еще приложение? – воскликнул потрясенный Денис. – У меня дома до сих пор хранятся все выпуски, но ни о каком приложении я не слышал! – Денис мотнул головой.

От капитана гигантского контейнеровоза в нем не осталось ни следа – сейчас это был тот самый шестиклассник, готовый до хрипоты спорить о вечном двигателе и полетах на Марс.

– Странно, что ты не знал! Но его простым мальчикам не доставляли. Сказать, как называется?

– Ну, – насутился Денис.

Петр выждал несколько мгновений и его полное лицо расплылось в довольной улыбке:

– Много ты потерял, Дэн. А приложение это называлось «Юный толстяк»!

Все сидящие за столом ухнули от смеха – засмеялась даже Лиза. Шаров тот и вовсе поперхнулся чаем.

Денис понял, что его разыграли. Да не кто-то, а целый депутат Государственной Думы. Лицо сначала стало серьезным, но через секунду засмеялся и он.

– Ну ты Петр даешь! Я почти что поверил!

– Короче... заняться было нечем. Я ходил на процедуры, а в перерывах... между дикой головной болью и редким ее отсутствием вспоминал наши приключения и... даже признаться, хотел их повторить, пройти заново. Разумеется, до того момента, когда Червяков пульнул гранату в озерцо, – продолжил Петр. – Помню еще, что за дверью шушукались медсестры – мол, месяц прошел, а память к нему так и не возвращается и голова не проходит. А еще... – он помолчал, постучал костяшками пальцев по столу, будто бы этот жест помогал ему вспомнить: – ...в палату приходил довольно неприятный тип в сером мятом костюме и спрашивал меня, что я видел, где мы были, что заставлял нас делать физрук. Особенно много вопросов было про вас... – Петр повернулся к Шарову.

Полицейский, восседающий за командирским столом, ухмыльнулся.

– Куда вы нас вели, какая карта была у вас и видел ли я обозначения на ней. Не разговаривал ли физрук на иностранных языках при нас? Не упоминал ли столицы иностранных государств? Может быть, на что-то намекал или отходил в сторонку с кем-то. Оставлял нас одних, даже на короткое время, отлучившись, например, в кустики. Эти моменты я четко помню, наверное, потому что тот мужик был... слишком уж настойчивым. И мерзким. Он по сто раз повторял одни и те же вопросы, а я все думал, что у него, наверное, что-то с памятью, но не решался спросить. И я все время отвечал ему: «нет, нет, нет, нет», – и так до бесконечности. А еще от него плохо пахло. Папа даже поругался с ним, мол ему наплевать на здоровье ребенка. Я слышал, как они спорили и этот тип в плохом костюме говорил, что я однозначно что-то скрываю и меня нужно вернуть назад в Москву к докторам, и что он сделает все для этого.

Но, видно, не получилось, и у папы крыша была сильнее. – Петр отхлебнул чая, лицо его стало серьезным. – Так что... Лиза, не знаю как ты, а я уверен, что мы там были. Там, в смысле – там. Вопрос не в том, почему мы не помним, это как раз ясно – шок и все прочее, а в том, что было первое – курица или яйцо. Иными словами... – он кивнул на страницу книги, которая лежала ровно посреди стола, – исчезнет ли крест, если мы каким-то образом попытаемся спасти себя.

– Крест не исчезнет, – вдруг сказал Давид. – Но мы здесь, потому что кто-то нас спас. И если этот кто-то – мы сами, значит, мы должны сделать это.

– То есть... если я правильно понимаю, мы одновременно и живы, и мертвы? Как пионеры Шредингера, так что ли? – Лиза покачала головой.

– Ты же видишь книгу, – повернулся к ней Виктор. – Или ты сомневаешься в ее подлинности?

На самом деле, она, конечно, не знала, что прежде, чем согласиться куда-то ехать, Петр позвонил в Ленинку, то есть, в Российскую государственную библиотеку и через час директор лично привезла совершенно новый, будто бы только отпечатанный экземпляр книги под названием «Лабиринты войны» авторства В.А. Прокопьева.

Губы женщины сжались. Вероятно, она очень хотела бы сказать, что это подделка, но книга и фотография были настоящими, запах серых, чуть пожелтевших страниц, клееный переплет, выходные данные – сомневаться в подлинности не приходилось. Это сейчас можно что угодно подделать и намалевать в фотопроцессоре, а в книге, изданной в тысяча девятьсот шестьдесят первом году фотографии были настоящими, она это понимала.

Лиза взяла потрепанный томик в руки, перевернула его, задумчиво прочила фамилию автора:

– Владислав Прокопьев... – на лице ее отразилось воспоминание. – Знакомое имя... Кажется, у нас в школе... был кто-то с похожим... – она посмотрела на Виктора.

Его вдруг словно током ударило – Шершень! С того момента, как они собрались вместе, Влад куда-то запропастился. А ведь у них должен был состояться важный разговор.

– Да... – медленно сказал Виктор и посмотрел на Шарова. – В старших классах был парень с таким именем и фамилией, но... это конечно же не он, однофамилец. В шестьдесят первом году тот Прокопьев, что учился в старших классах, еще не родился, не то чтобы книгу написать. – Он продолжал в упор смотреть на Шарова, но тот лишь едва заметно качнул головой. Спрашивать при всех, куда подевался Влад, Виктор, разумеется, не стал.

– Мне повезло больше, – сказал Денис, – мой отец буквально на следующий день или через день, я точно не помню, взял билет на самолет, и мы вылетели во Владивосток, там жили бабушка и дедушка по маминой линии. Дед был капитаном дальнего плавания, наверное, я в него пошел. Один единственный раз к нам домой пришел какой-то человек, что-то спрашивал про мое здоровье, но дед сказал, что я ничего не помню, на том дело и заглохло. Я и впрямь ничего не помню. Даже эту гранату – и то не помню. Единственное, часто снится будто я ослеп на один глаз – ни черта не вижу и это так страшно, что я постоянно просыпаюсь. А еще... – он посмотрел на Лизу и в полутемной комнате стало вдруг совсем тихо: – А еще мне все время казалось, будто с тобой что-то случилось... что-то не очень хорошее.

Лиза поджала губы.

– И поэтому ты ни разу не позвонил, не написал... чтобы узнать.

Денис наклонил голову.

– Прости. Я пошел в другую школу, в другом городе, закрутилось, завертелось... только изредка, где-нибудь посреди Тихого океана я смотрел на звезды и думал, – что же все это было? Но боялся даже начать вспоминать. Мне казалось, стоит погрузиться в эту яму и можно оттуда не выплыть, бездна засосет меня.

– А я знала, что тогда что-то было, – вдруг сказала Лиза и все разом посмотрели на нее. – Да, не удивляйтесь.

Она резко отодвинула стул, встала, отошла к выцветшей стене с изображением идиллической лесной картины, повернулась и резким движением стянув просторно теплый свитер, обнажила плечо.

– Господи, – прошептал Петр.

У Давида глаза стали круглыми, он даже отодвинулся слегка и поднял руки, будто прикрываясь ими.

На тонком изящном плече, спадая на предплечье был наколот кинжал, увитый розой с острыми шипами и пронзающий череп. Рядом с этим рисунком, выполненным синей допотопной тушью, красовались две буквы – «ЧК». Манера, в которой была сделана татуировка говорила о низком уровне мастерства исполнителя. Неровные линии, непропорциональные элементы и какая-то допотопная простоватость явно не соответствовали возможностям заказчицы.

– Кто ж тебе такие партаки наколот? – хриплым голосом спросил Шаров. Он повидал немало зековских наколок, но эта явно была словно из другого времени.

Зная, насколько богата эта женщина, даже в голову не приходило, как она могла умудриться сделать настолько ужасную наколку и что заставило ее пойти на этот шаг, когда сейчас даже в недорогом тату-салоне сделают в тысячу раз красивее, современнее и лучше.

– Ты что, срок мотала? – не выдержал Виктор. Он видел отдаленно похожие рисунки в колонии и как правило их носили очень старые ээки.

Лиза отрицательно покачала головой и вернула рукав на место.

– Это то, что я привезла на себе с «Зарницы», – сказала она.

– Ни фиги себе... – потрясенно сказал Денис. – Как это так?! Ты шутишь?

– Нисколько не шучу. Я много над этим думала и как вы понимаете, никому и никогда до сих пор не показывала. Откуда она появилась, я не знаю.

– А что такое ЧК? Чрезвычайный комитет? – спросил Петр.

Лиза вздохнула и направилась было к своему стулу, но тут Виктор привстал и жестом остановил ее.

– А можешь еще раз показать?

Странное, давно забытое воспоминание пронеслось в его голове – оно явно было вызвано этой спонтанной демонстрацией, и он испугался, что не сможет удержать его в памяти.

Лиза решительно мотнула головой.

– Нет.

– погоди, Лиза! Пожалуйста. Это очень важно.

Лиза остановилась в нерешительности, копна ее роскошных рыжих волос колыхнулась, а на ушах вспыхнули маленькие бриллиантовые сережки.

– Ладно. Две секунды. Каждый раз, когда я вижу ее, мне хочется ампутировать руку, – сказала она несвойственным ей тихим голосом.

– Чего же ты ее не закрасишь, или не выведешь? – удивился Денис. – Сейчас ведь запросто такое делают.

– У нас есть что-нибудь выпить? – вдруг спросила она.

Прикрыв одну руку другой, Виктор незаметно нажал кнопку затвора телефона. Даже если фото выйдет нерезким, этого будет достаточно, чтобы изучить тату позже. Что-то ему подсказывало, что Лиза больше никогда не покажет зловеший рисунок.

Виктор посмотрел на Шарова, но тот лишь пожал плечами.

– Вроде... кроме чая...

Петр развел руками.

– Ну ладно, уговорили. Я взял бутылочку на всякий случай. Как знал... – он нагнулся, расстегнул спортивную сумку с эмблемой хоккейного клуба НХЛ «Washington Capitals» и покопавшись в ней, извлек закупоренную бутылку виски «Чивас Регал».

– Что было в сейфе, то и взял... – смущенно сказал он, заметив устремленные на него взгляды.

– Ну, Петя... – восхищенно выговорил Денис. – Ты в своем духе!

– Ну... ладно. – Петр снова нагнулся, достал две плитки шоколада и пачку сушеных бананов.

Когда все, кроме Давида выпили по пятьдесят граммов и Петр снова разлил виски в пластиковые стаканчики, Лиза вдруг сказала:

– Наверняка ведь никто из вас не заметил, почему я с третьей четверти шестого класса носила майки и блузки с длинными рукавами.

Все, кто сидел в кабинете, переглянулись.

– Вроде бы ходили какие-то разговоры... что у тебя... прости, лишей какой-то, или герпес... да что только мы там не выдумывали в туалете на перекурах, – начал было Петр. – Но потом, насколько я помню, все решили, что ты стесняешься. И как-то устаканилось.

Лиза кивнула.

– Это был кромешный ужас. Ад. Мои родители чуть с ума не сошли. Они думали, что я вступила в какую-то банду, что меня завербовали зеки, что я стала преступницей... короче мне стоило огромных трудов уговорить их, чтобы они не рассказали про это тому мужику... который, в общем, вы поняли. В сером костюме. Я пообещала, что до конца школы не получу ни одной четверки. И это был наш уговор, который пришлось соблюдать. Мне было дико трудно. Вы даже не представляете... – Виктор заметил, как в уголках ее глаз блеснули слезинки. Железная женщина, миллиардерша, которая создала с нуля крупнейшую российскую игровую империю, сейчас сидит и чуть ли не плачет перед ними. А тогда... все шушукались и смеялись над ней исподтишка. Над ее странным поведением. Хотя... если вдуматься, каждый, кто там побывал, что-то скрывал.

– Я не знаю, готовы ли они были выполнить свою угрозу, если бы я провалилась и получила хоть одну четверку. Наверное... да. Они были такими людьми... – она впиалась пальцами в столешницу. – В общем, это и не важно. Я не провалилась. Но... чего мне это стоило...

Петр медленно налил виски в ее стакан и замер с бутылкой в руке. Лиза даже не заметила его движения.

– Вот же черт... – прошептал он. – Ведь я тоже... говорил всякое... – рука его слегка дрожала.

Лиза положила свободную руку на его плечо.

– Ничего, Петя, дело прошлое. Вы спрашиваете, почему я не свела татуировку. Во-первых... тогда, в восьмидесятые относительно безопасных способов сделать это не существовало – только операция, после которой моя рука была бы навсегда обезображена. Родители так и хотели поступить, им было все равно, лишь бы не видеть этого позора. Но я каким-то чудом руку все-таки отстояла. Хотя проклятая татуировка жгла и свербила ежедневно, не давая мне ни секунды покоя.

– Бедная девочка... – едва слышно произнес Давид. – ... не делайте нарезов на теле вашем и не накальвайте на себе письмен. Я Господь Бог ваш.

Лиза повернулась к нему, сверкнула глазами и кивнула.

– Да, об этом я узнала позднее. Впрочем, и без того было понятно, у девочки-отличницы не может быть татуировки. Это не просто из ряда вон выходящее событие, это конец света, если хотите. Вряд ли современным школьникам или их родителям можно объяснить, чтобы тебя не подняли на смех.

Я перечитала все косметические советы по выводу пигментных пятен, изучала химические журналы и учебники, втирала в кожу лимонную кислоту и перекись водорода. Где-то даже прочитала, что помогает кошачья моча... как вспомню, так вздрогну. Но все тщетно. И каждое утро, перед тем как идти в школу, я тщательно забинтовывала это место. – Она посмотрела на плечо и горько усмехнулась.

Витя с ужасом слушал ее слова и вдруг ясно представил, – будто бы створки времени приоткрылись и он смог увидеть то, что было скрыто – трех хулиганов, которые избивают лежащего на школьном дворе Шершня. У одного из них на руке был точно такой же череп. Только без розы. И без букв. Он мог в этом поклясться. Но... как?

Словно услышав его мысли, Лиза замерла, опрокинула стакан с виски и продолжила:

– И... нет, Петя... ЧК – это не чрезвычайный комитет. Я смотрела в специальных книгах, такой аббревиатуры не было, ее никто не колол. Это совсем другое.

В кабинете повисла мертвая тишина. Было слышно, как в лампочке на потолке гудит нить накаливания.

– Это то, о чем я думаю? – негромко спросил Виктор.

Лена вздрогнула – она сидела рядом с ним, они будто бы в унисон подумали об одном и том же. Виктор оглядел одноклассников. Кажется, все знали ответ, который повис в воздухе, только не произносили его вслух.

Лиза чуть заметно кивнула.

– Да. Это его инициалы. Червяков Константин.

Глава 5

1941 год

Они шли долго.

Сначала ее поддерживал адреналин, бушующий в крови, злость и обида на ребят, которые оказались столь глупы, что не поняли, как их легко обвели вокруг пальца взрослые. Затем, когда первоначальный запал иссяк, Лиза решила, что так или иначе добьется своего и шла, стиснув зубы.

Именно с таким выражением лица она сидела дома, сгорбившись за тусклой лампой, когда какой-то домашнее задание никак не хотело решаться. Она знала, что даже если задача нерешаемая, она все равно добьется своего – вопрос времени и сил. И ни разу не было иначе. Во чтобы то ни стало, она должна быть первой. К примеру, такой же как Червяков, только он первый по храбрости, наглости... – она задумалась. Наглость – не совсем то качество, которое стоило бы прилюдно одобрять, но она точно знала, что в глубине души все мальчишки в классе хотели быть такими же уверенными в себе как Костя. Да только у них не получалось. А девочки хотели бы также отлично учиться. Но это не так уж и просто.

В этом с Костей они были похожи. Или не только в этом?

Они шли по узкой тропе, петляющей в мрачном лесу. Не видно ни зги, а он идет хоть бы хны, – подумала Лиза. Ни страха, ни сомнений. Вот бы мне так уметь!

Ноги намокли. Она почувствовала, что сильно устала. Радость от того, что скоро она увидит обомлевших взрослых прошла. Никаких взрослых в лесу даже не намечалось, хотя они шли уже больше часа.

Червяков молчал. Поначалу он отвесил ей несколько сомнительных комплиментов, мол, как она уделала всех и как они теперь сидят там и мечтают тоже пойти с ними, но уже поздно, поезд ушел. Сказав эти слова, они загоготал, и Лиза впервые ощутила, что допустила ошибку. Она не должна была с ним идти. Но теперь поздно. Оставалось сомкнуть зубы и брести через этот бесконечный мрачный лес.

– Долго еще идти, как думаешь? – спросила она, когда ноги стали деревянными.

Не оборачиваясь, Червяков отрывисто бросил:

– Уже не очень.

Он был выше на две головы – второгодник, а на самом деле она даже не знала, сколько ему лет, может быть, он и в прошлом году оставался на второй год и тогда получается...

Ее оптимизм испарился без следа.

– Костя, может, нам лучше вернуться... – вдруг вырвалось у нее.

Червяков резко остановился, повернулся. Глаза его были какие-то оловянные, страшные, безжизненные.

– Вернуться?.. – процедил он. – Куда? К этим детишкам? Пусть сидят и ждут, пока их немцы сцапают.

Лиза похолодела.

Он сошел с ума? Судя по глазам, так оно и было. Широко раскрытые, точно безумные – они настороженно шарили по лесу.

– Какие еще немцы, Костя? Ты что?

Он вдруг улыбнулся – той широкой белозубой хулиганской улыбкой, которая заставляет девочек замирать от волнения.

– Да я пошутил, Лиза! Мы уже почти пришли, слышишь шум вдалеке? Это трасса, нам туда.

Она прислушалась. Шум действительно был, впрочем, не только спереди, но и сзади, и с неба, которое будто бы буравили десятки самолетов. Что это могло быть?

Она спросила у него.

И он снова засмеялся, теперь беззаботно и как-то успокаивающе, словно не просто знал, а был уверен в своих словах.

– Я же говорил, ты забыла? Это военный аэродром Кубинка, ночные учения. Наши птички отрабатывают взлет и посадку в сложных метеоусловиях.

Она подумала, кивнула и снова успокоилась. Так оно, наверняка, и было, а ее мнительность выглядит смешно. Но... почему он сказал «немцы», если они уверены, что это все розыгрыш? Но та девочка... Катя, кажется... она тоже говорила странные вещи...

Скорее всего, оговорился, – решила она и припустила за парнем, который теперь не просто широко шагал, а почти бежал, будто бы чувствуя близость финиша.

«Какая же я пугливая дурочка! – снова и снова корила она себя. – Вот с кого нужно брать пример, ни капли сомнений и страха, хотя ведь они, можно сказать, одни в темном холодном лесу – не считая, конечно, тех людей, которые все устроили и сейчас прячутся в брезентовой палатке. Но как они успели так далеко зайти, ведь ей казалось, будто бы отряд проделал максимум пять километров, не больше, а скорее всего и того меньше.

Вдруг Костя резко остановился, и она налетела на него, едва не повалив. Он удержал ее своими сильными руками и без сомнений, руки его задержались на ее талии намного дольше, чем нужно. В темноте она не разглядела выражения его лица, но ей показалось, что он снова улыбается.

– Осторожно, – тихо сказал Червяков, отпуская ее. – Дорога, смотри!

Лиза всмотрелась в темноту, но ничего не увидела. На всякий случай она кивнула.

– Бежим? – шепнула она.

– Нет. Тихо, – прошипел парень. – Там едет грузовик, нужно подождать.

Она вдруг увидела, как по лесному склону проскользили лучи фар, рваный силуэт кустов перед ними вспыхнул ярким светом, она даже успела заметить капельки воды на голых ветвях, а в следующее мгновение Червяков резко надавил ей на плечи. Лиза рухнула на мокрую землю. Сладковатый запах прелой листвы ворвался в легкие и она с удивлением, почти сразу переросшим в отвращение обнаружила его пятерню у себя на щеке.

– Т... ты ч...то? – прохрипела она, пытаясь выдавить хоть слово.

– Тш...ш... молчи...

Она попыталась сказать что-то еще, но крепкая рука держала ее голову так, что челюсть отказывалась двигаться.

Паника вдруг заволокла ее мозг. Если это дорога и по ней едет автомобиль, следует, наоборот, бежать как можно быстрее, а он прижал ее к земле и сам затаился, словно дикий зверь.

ДИКИЙ ЗВЕРЬ... – с ужасом подумала она.

Холодная, аналитическая часть мозга, обычно главенствующая в сознании, вдруг куда-то исчезла и на смену ей пришла незнакомая, чуждая, странная и трепещущая.

Внезапно хватка его ослабла, Лиза отняла лицо от земли. Она вдруг почувствовала, что весь первоначальный гнев улетучился и все что она хотела выплеснуть ему в первые секунды унижения, растаяло без следа.

Она вся дрожала от холода, страха и стыда.

– Вставай! – бросил ей Червяков. – Они уехали.

Лиза медленно поднялась. Ноги отказывались слушаться.

– П... почему мм...мы не побежали? – выдавила она из себя.

– Ты что... дура? – выпалил он. – Это же военные, если нас поймают, тут же отправят... – он осекся, – ...отправят в комнату милиции как минимум. Мы не имеем права здесь находиться. Это запретная территория.

Что-то в его голосе заставило усомниться, что он говорит правду.

– А где же... где люди, которые нас... ждут?

– Люди? – и вдруг он расхохотался. – Ты правда еще не врубилась? После всего что мы увидели, ты не видишь, где мы? Ну ты и правда... дура!

– Где мы?... – сквозь слезы проговорила Лиза.

Он схватил ее за руку и потащил к дороге – через кусты, ямы и рытвины, через поваленные деревья и овраги, а когда наконец ее ноги коснулись твердой поверхности – отпустил так, что она чуть не упала.

– Можешь оставаться здесь, можешь вернуться назад, если найдешь дорогу, конечно. Но если хочешь жить, идем со мной. Осталось немного, километров десять.

– Десять километров? – прошептала она, не в силах даже осознать эту цифру.

Он махнул рукой и зашагал по дороге, не оборачиваясь.

Лиза онемела от страха. Она взглянула на темную волнующуюся стену леса и поняла, что выбора нет. Она не найдет дорогу назад и... наверное, больше никогда не увидит своих друзей. Милого и доброго очкарика Дениса, который сох по ней словно Пьеро, весельчака Петьку, тихоню Лену, ершистого Витю и странноватого новичка Давида.

– Постой, подожди меня... я иду! – из ее груди раздался птичий клекот.

Червяков махнул рукой.

– Догоняй.

Когда Лиза поравнялась с ним, он вдруг слегка приобнял ее.

– Ты, наверное, замерзла.

Она мотнула головой, боясь сбросить его руку.

– Я сейчас тебя согрею. Просто... понимаешь, здесь все по-другому. Я хочу как лучше. Ты должна понять. Или ты или тебя. Не то что там. Если будешь слушаться, все будет хорошо. Только и всего.

Лиза кивнула.

Она уже решила, что как только увидит малейший намек на присутствие взрослых, вырвется и побежит что есть мочи.

Минут через двадцать, на дороге вдруг появились странные конструкции, – она видела похожие в кино, раньше их кажется называли противотанковые ежи. Они преграждали дорожное полотно и тянулись от самого леса на другую сторону дороги. Ежи были стянуты колючей проволокой.

– Видишь, тут военная территория, – сказал Червяков. – Запретная зона.

Она переступила через колючку, зацепившись штаниной. Червяков поддержал ее, иначе бы она свалилась прямо на грязную грунтовку.

– А знаешь, я ведь сразу понял, что мы... больше, чем просто друзья. Еще год назад, как только я у вас появился. Ты ведь тоже меня заметила, что я... лучше их всех. Да?

– Да... – тихонько сказала Лиза, вдруг вспомнив, как Червяков постоянно пялился на Лену и доводил ее своими тупыми шутками, отчего ей самой было иногда даже смешно – скромная одноклассница краснела и бледнела, тайком поглядывая на Витю, но тот либо не замечал, либо ничего не мог поделать.

– Ну вот... видишь, как все хорошо получилось. Потерпи...

Лиза с трудом волочила ноги, а Червяков почти непрерывно хвастался и точно также постоянно оборачивался, будто бы чего-то ожидая. Однако, к ее сожалению, больше машин не было. Примерно через полчаса за поворотом грунтовки мелькнул какой-то огонек. Лиза приободрилась и пошла даже быстрее, но Червяков остановил ее.

– Быстро в лес, – приказал он и крепко сжав ее руку, по едва заметной тропке нырнул в чашу.

– Но там же...

– Это патруль, нас схватят...

Лиза была готова сдаться любому патрулю, лишь бы все это закончилось.

– И потом будет педсовет, пригласят родителей, им напишут на работу...

Он попал в точку.

Услышав эти слова, она вдруг поняла, чего он так боится. Она боялась того же самого и, наверное, еще сильнее, чем он. Почему же она сразу не догадалась и обвинила его во всем, когда он старается провести их так, чтобы не вляпаться?

Извещение на работу и вызов родителей на педсовет означал конец всего. Это было худшее, что только можно придумать. Даже двойка в дневнике не так страшна, как то, что могло с ними произойти.

ПО ЕЕ ГЛУПОСТИ.

И правда, какая же я дура, – сказала она сама себе, закусила губу и сжала его руку сильнее.

Червяков удивленно повернулся.

– Извини, – прошептала она. – Я точно дура.

Перед глазами возник полный актовый зал школьников и учителей. На сцене директор, завуч и представители милиции в форме и погонах, которые зачитывают сухое официальное сообщение о том, как их задержали на территории охраняемой воинской части, куда они не имели вообще права заходить. А на первом ряду в креслах с красной обивкой сидят белые от стыда родители.

Они прошли лес по дуге и вышли, когда пост скрылся из виду. Лизе даже показалось, что она заметила военного в ярком свете прожектора, который стоял у шлагбаума – он был с винтовкой, хотя вроде бы давным-давно в армии стреляют из автоматов.

Вскоре деревья по бокам поредели, слева стали появляться ветхие лачуги, сараи – но вокруг было так темно, что она толком ничего не могла разобрать. Ни единого огонька.

Они свернули на проселочную дорогу – от усталости Лиза совершенно потерялась и не ощущала ни расстояния, ни времени. Тело выло от боли и усталости.

Сбоку что-тобрякнуло, он втолкнул ее в узкую калитку, по лицу хлестнули ветки, а нога ступила в глубокую лужу и вмиг промокла.

Перед собой Лиза разглядела темный силуэт – это был довольно большой дом со стеклами и верандой.

Червяков поднялся по ступенькам, прислонил ухо к двери и прислушался. Его лицо ослабло.

Слегка отстранившись, он резко постучал – Лизе показалось, будто бы каким-то кодом, два длинных и два коротких удара.

Сначала ничего не происходило. Тогда Червяков постучал снова, более настойчиво.

Занавеска на окне дернулась, за ней мелькнула белесая тень, а через мгновение лязгнуло засов, повернулся ключ и дверь приоткрылась буквально на какой-то сантиметр.

Лиза услышала дыхание человека по ту сторону, он явно был взволнован.

Потом из темноты раздался мужской голос:

– Черва? Ты что ли? Ты откуда взялся?

Червяков пнул дверь ногой и говорящий отлетел внутрь. В доме загрохотало, полетели ведра, что-то тяжелое упало со стены с глухим звуком. Она испугалась, что сейчас поднимется весь дом, родители, бабушки, дедушки – все, кто наверняка спал там внутри и инстинктивно попятилась назад.

– Разве так нужно встречать старых друзей? – довольным голосом крикнул Червяков. Он обернулся, заметил пятившуюся девушку и лицо его расплылось в довольной улыбке. – Эй, заходи, не стесняйся, – крикнул он девушке. – Мы наконец-то дома.

Глава 6

«Дома?» – подумала Лиза, но остановилась и замерла, ожидая, что же будет дальше.

К ее удивлению, никто не выскочил на веранду, не закричал, что всех разбудили и вообще – ничего не произошло.

Дом, перед которым она стояла, был похож на обычную дачу или деревенскую избу – она, по правде говоря, не смогла бы отличить одно от другого. Неказистый, однако, довольно большой с виду, окна обрамляли белые резные наличники и все они (кроме одного) были прикрыты ставнями. Свет внутри не горел.

Лиза оглянулась. Чуть дальше по проселочной дороге она увидела еще один похожий дом, за ним метрах в ста еще парочку – поменьше. Между ними вразнобой теснились кривые сараи – однако, никаких грядок или теплиц, что указывало бы на дачный поселок, здесь не было.

Может быть, в доме есть телефон, и она сможет позвонить родителям, которые, разумеется, уже сходят с ума, – подумала она и эта мысль придала ей решимости.

Тем не менее, заходить в незнакомый дом, пусть и в компании с одноклассником она не решалась, пока Червяков не спустился на пару ступенек и не взял (точнее, схватил) ее за руку.

– Мы дома, – повторил он, глядя ей прямо в глаза. – Тебе нечего бояться. Ясно?

Она кивнула, чувствуя легкую тошноту и дрожь в коленях. Никогда еще она не была одна где-то за городом в незнакомом доме, да еще и ночью.

Лиза повиновалась, к тому же сопротивляться гораздо более сильному Червякову было просто невозможно.

В конце концов, ЧТО МНЕ МОЖЕТ БЫТЬ? – подумала она, постаравшись отбросить не раз слышанные от родителей ужасающие в своей детализации истории, что МОЖЕТ БЫТЬ С ДЕВУШКАМИ, КОТОРЫЕ ПОЗДНО ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ.

НО ОНА ЖЕ НЕ ОДНА, да, поэтому сейчас все будет иначе.

Лиза поднялась по ступенькам и вошла в дом.

Человек, который упал, уже вскочил на ноги. Лица его почти не было видно, но Лиза поняла, что он почему-то сильно испуган, может быть даже больше, чем она сама и этот факт придал ей сил.

Если этот парень так боится Червякова, то пока она с ним, можно не беспокоиться, – решила она, хотя внутренний критик вопил о полной несостоятельности ее рассуждений.

Парень – высокий, на голову выше Червякова, с редкими, торчащими в разные стороны волосами, одетый в старое тряпье – пятился к белой двери позади себя. Он мотал головой, будто бы отказываясь поверить в увиденное, а Червяков тем временем продолжал улыбаться, как Чеширский кот. В этой улыбке не было ничего хорошего и доброго ни для кого.

– Но... ты же уехал... – лепетал длинный, – тебя же менты... тебе же вышку дали...

– Уехал, да приехал, – осклабился Червяков. – Или ты не рад меня видеть?

– Я? Я конечно... рад... – длинный икнул, Лиза почувствовал запах перегара, такой иногда шел от отца по воскресеньям и сморщилась.

Она ничего не понимала в их односложном разговоре, а длинный тем временем продолжал пятиться и оглядываться на дверь.

– Ты что, не один? – вдруг спросил Червяков, резким движением отодвинул длинного и рывком открыл деревянную дверь, на которой висел старый календарь – Лиза увидела портрет Сталина и мелькнувший год – «1937».

Дверь скрипнула и отскочила в сторону. И хотя в большой комнате, открывшейся перед ними, было довольно темно, свеча, стоявшая посреди стола в большом и каком-то несуразном

подсвечнике, отчетливо высветила напряженные лица четверых парней, замерших словно гончие на старте.

Головы их были побриты. В недобрых глазах полыхал отсвет оранжевого пламени. Перед самым крупным из них, сидящим во главе стола стояла большая мутная бутылка и лежал здоровенный нож. Один его глаз был закрыт бельмом.

Лиза покачнулась. Одного взгляда ей было достаточно, чтобы понять, куда она попала. Родители называли это ужасающим словом ПРИТОН.

Трое других парней были какими-то одинаковыми, невыразительными. Они походили на сбежавших подростков из колонии для несовершеннолетних преступников, а этот самый здоровый, был явно их предводителем.

Похоже, их никто не ждал.

Глаза Червякова превратились в щелки, но сам он, на удивление, не выказал никакого испуга. Даже наоборот.

– Вот так на те... – процедил он. – Кого мы тут видим...

Здоровяк поднял тяжелый взгляд и впился в Червякова, трое его спутников заметно напряглись.

– Черва... – Ты ведь...

– Со мной все в порядке, Бугор, – резко сказал Червяков. – Это я, собственной персоной, ты не ошибся.

– Я слышал... тебе вышку дали...

– Дали, да забрали, – снова хохотнул Червяков. – Чего вы заладили, как истуканы, дали, дали! Или не рады меня видеть?

Что такое вышка? – промелькнуло у ней в голове, но сразу ответ не нашелся, а размышлять над этим было не самое подходящее время. Лиза застыла, вслушиваясь в напряженные голоса.

Парни за столом переглянулись.

– Конечно, рады... – за всех ответил здоровяк, которого Червяков назвал Бугор.

Точно, как в фильмах про сбежавших преступников, – подумала Лиза, едва удерживаясь на ногах. Ее словно столбняк схватил, тело и лицо парализовало, она еле дышала и чувствовала, что вот-вот упадет в обморок от страха.

– Но...

– Я ненадолго... мы переночуем и уйдем утром. Сильно вас не стесним, да Лиза?

Внимание парней переключилось на девушку. В этот момент она была готова провалиться куда угодно, только не быть в перекрестье голодных волчьих взглядов, ощупывающих ее фигуру.

– Кто она такая? – спросил Бугор, покачивая головой.

– Меньше будешь знать, крепче будешь спать.

– Ничего такая тетя, – процедил один из парней, слегка приподнявшись с табуретки.

– Только она странная какая-то, – добавил второй.

– А еще кто-нибудь скажет, что за нее, легко и непринужденно сделаю улыбку шире...

– Червяков медленно направился к столу.

Лиза подумала, что сейчас все кончится – быстро и скорее всего, не в их пользу. А потом... Она закрыла глаза.

Наступила тишина. Позади скрипнула половица, длинный попятился, предчувствуя схватку и замер у стены, затравленно наблюдая за происходящим в комнате.

Сердце ее оборвалось. Сейчас они убьют Червякова. Четверо... нет, пятеро против одного. Ее в расчет можно не брать. Что она сделает против здоровых парней? Растерзают его, как стая голодных диких псов – она как-то стала свидетелем подобной расправы, только собаки разорвали не человека, а такую же собаку – возле мусорки, сражаясь за еду или территорию.

Этот жалобный вой, превратившийся в длинный, несмолкаемый скулеж на фоне злобного лая она не забудет никогда.

А потом хулиганы примутся за нее, теперь в этом не было сомнений.

Она чуть приоткрыла глаза, отыскивая в потёмках дверь – если длинный не помешает, и она сможет отодвинуть засов, то, возможно...

В этот момент Червяков молниеносно прыгнул вперед и оказался возле парня, сидящего полубоком. В руке его что-то блеснуло – сам парень даже не успел шелохнуться, как его дернувшийся кадык оказался прижат опасной бритвой.

– Ну что, ты первый? – Червяков был абсолютно спокоен и это больше всего поразило Лизу. Он улыбался, а свободной рукой гладил парня по лысой голове.

– Да что ты, Черва... – примирительно сказал Бугай. – Уймись. Мы же пошутили. Да, ребята?

Кадык дернулся, и маленькая капля крови потекла по худосочной груди.

Бритва исчезла так же быстро, как и появилась. Лиза даже не заметила, куда Червяков ее спрятал.

– Так и я пошутил! Неужели вы поверили, что я своих-то... собственными руками могу вот так запросто... – Червяков отошел на метр и кивнул в сторону стола: – Пожрать-то есть что? Мы притомились, издалека едем, да Лиза?

Девушка не ответила. Побег не удался, и она теперь жалела, что не сбежала в первую же секунду, когда была такая возможность.

Бугор облегченно расправил плечи:

– Эй, Длинный, достань из печи картошки нашим друзьям. Извини, Черва, чем богаты. Времена сейчас... сам понимаешь...

Оказывается, его так и называли – «Длинный», – отметила про себя Лиза. Парень очнулся, юркнул в темноту и вскоре вернулся с черным горшком, из которого шел пар.

Только сейчас Лиза почувствовал, как голодна. К своему ужасу, она поняла, что к тому же очень сильно хочет в туалет – но как сказать об этом в присутствии шестерых парней?

– И еще стульев притащи, там в кладовке вроде были, – приказал Бугор.

Длинный повиновался и через две минуты они уже сидели за столом.

Бугор взялся за бутылку, покосился на Лизу и сказал:

– Какая-то она молодая у тебя. Ничего?

– Ничего, – ответил Червяков, схватив горячую картофелину голыми руками. – Наливай.

Звякнули рюмки. Они выглядели почти как те, из которых пил отец по субботам, а иногда и среди недели.

– Класс, да? – похвалился Бугор. – Хрустальные!

– Угу! – отозвался Червяков, выдыхая от жгущей рот картошки.

Он наполнил рюмки до краев. Одна из них оказалась прямо перед Лизой. На большую тарелку посреди стола Длинный высыпал из банки здоровенные соленые огурцы.

– В погребе нашел, – сказал он.

– Ладно, харэ, садись уже, – остановил его Бугор и Длинный сел рядом с Лизой, потом подумал и отодвинул свой стул подальше – благо место позволяло. Она облегченно вздохнула. Они с Червяковым сидели напротив остальных пятерых парней – друг против друга.

– Ну что, Черва, за встречу! – поднял рюмку Бугор. – Обычно, оттуда, где ты был, не возвращаются. Значит, фартовый...

Червяков посмотрел на Бугра, потом перевел взгляд на Лизу и кивнул.

– А я тебе говорил, – сказал он ей. – Со мной не пропадешь.

Он махнул рюмку в рот, сощурился, выдохнул и взял с тарелки огурец, шумно втянув воздух ноздрями.

– У-ух!!! Забористый!

– Ну тык! – крикнул Бугор и тоже опрокинул рюмку. За ними последовали остальные. Делать нечего, – подумала она и поднесла рюмку ко рту. От запаха замутило, она зажмурилась и слегка пригубила, тут же закашлявшись. На глаза навернулись слезы.

Парни весело засмеялись.

– Семьдесят градусов! – сказал тощий с порезанным кадыком. – Это тебе не газировочку попивать!

Она поставила рюмку на стол.

– Ничего, потом распробуешь! – похвалил Бугор. Потом он вдруг резко стал серьезным. – Все это хорошо, конечно, Черва. Но ты нам скажи, как старый знакомый, ты так, проездом, или дело какое есть?

Червяков сразу не ответил. Он откусил еще от полыхающей паром картошки, смачно хрустнул огурцом, тщательно пережевал, оглядывая дом и лишь тогда сказал:

– Есть тут несколько штуквин не так далеко, по сравнению с которыми ваш хваленый хрусталь – полная туфта. И самое главное, что взять это можно запросто. Вещички бесценные, вы таких даже никогда не видели.

Глаза здоровяка загорелись.

– Например?

Червяков покачал головой.

– Например? – Он посмотрел на Лизу, которая сидела рядом, не шелохнувшись. – Например, маленький портативный радиоприемник размером в половину книги.

Рот бугая открылся:

– Таких не бывает...

– Еще как бывает, сам слушал, – нагло усмехнулся Червяков.

Лиза повернулась к нему и замерла, не в силах поверить. Она, разумеется, понимала, что за фрукт этот Червяков, и что раньше он учился в какой-то спецшколе для трудных детей. Но это... Она не ослышалась? Он предложил ограбить своих друзей, своих одноклассников? И это... в открытую... или он шутит? Но, похоже он не шутил. Приемник, про который он говорил, это Петино радио, да, совершенно однозначно – как раз размером в половину книги. Какой ужас... Она вздрогнула, будто бы ей дали пощечину.

– Лиза тоже его видела, да? – он уставился на нее холодным пронизывающим взглядом.

Крикнуть «нет» и убежать, как это сделал бы любой герой в книжке или фильме? У нее резко заболел живот и воздух в груди закончился. Лицо сковала судорожная маска. Если она скажет «нет», ее убьют... или того хуже.

Лиза почувствовала, как из уголка глаза выкатилась маленькая слезинка. Она быстро ее смахнула, вздохнула и не своим голосом, понимая, что совершает чудовищную ошибку, сказала:

– Да.

Глава 7

1984 год

После того как наглый мент, рывшийся в шкафу и чуть не сломавший ему пальцы исчез, растворился в темноте, Николай Гапеев, школьный сторож еще с полчаса не мог унять дрожь в руках. Он присел на диванчике в канцелярии, ожидая, что опер вернется, наверняка вернется, потому что они всегда возвращаются, но прошло пять минут, потом десять и после пятнадцатой Николай не выдержал. Он встал и покачиваясь, направился по длинному пустому коридору к подвальной двери. Там, в ящике с ветошью у него была припрятана записка для долгой тоскливой ночи – 0,75-литровая бутылка крепленого вина «Агдам».

Проходя мимо школьной стенгазеты, он невольно оглянулся – Красная Звезда, нарисованная чье-то неумелой рукой в шаткой, расплывчатой полудреме просторного фойе выглядела зловеще. Тень, отбрасываемая от створок окна, за которыми качался на ветру желтый безжизненный фонарь, маячила под стенгазетой покосившимся бесплотным крестом.

Николай на миг замер, занеся ногу над крестом, потом чертыхнулся и обошел его справа.

Он постарался припомнить разговор с опером и, хотя детали вылетели из памяти напрочь, он был уверен – лично его странный визит, вроде бы, не касался. Или же?.. Он покосился на подвальную дверь, едва видневшуюся в конце длинного коридора. Там, справа под лестницей, за ящиком с вожделенным «Агдамом», надежно укрытые ждали своего часа три электрических счетчика. Другие два он вынес неделю назад и отдал покупателю. Сегодня после трех часов ночи, когда город погрузится в сон, предстояло довершить начатое. К тому же денежки за приборы, целых сто рублей, уже были получены. Он намеревался потратить их на импортные джинсы «Монтана».

Николай ненавидел ходить по гулким ночным коридорам школы, – несмотря на свой внушительный внешний вид, сторож испытывал здесь какой-то инстинктивный страх – за каждым углом чудилась притаившаяся завуч из бурного школьного юношества – старая карга с косящим куда-то вверх одним глазом. Хулиган и драчун, гроза школы, он буквально оказывался парализованным, если вдруг она случайно (или специально, этого он так и не узнал), бросала на него свой жуткий взгляд и он застывал перед ней, как кролик перед удавом.

Оказавшись возле двери, ведущей в подвал, он вздохнул, покосился на утопающий во тьме коридор и распахнув ее, сделал шаг вперед.

Заначка была на месте. Он откупорил пробку, понюхал содержимое – полные губы растянулись в улыбке. Хоть что-то приятное за день. А ведь этот гад все-таки унюхал, но пообещал, что не расскажет директрисе. Но разве ментам можно верить? – подумал он и поднес горлышко ко рту.

В этот момент в канцелярии, откуда он вышел пять минут назад, раздался телефонный звонок.

Николай замер, прислушиваясь. Может быть, это опер решил его проверить? Словно испуганные светом тараканы, в голове засуетились мысли-предположения.

Конечно, такое случалось, что в его дежурство звонил телефон. В том числе, в вечернюю и даже ночную смену.

Инструкция на этот счет говорила, что он должен ответить, записать просьбу или вопрос звонящего и его номер телефона, а утром передать сообщение секретарю.

Однако на практике Николай никогда не брал трубку. Во-первых, звонки поступали достаточно редко, может быть, три или четыре раза за все его ночные смены, а во-вторых, какая

может быть важность в школе? Потерпят до утра, – говорил себе Николай, терпеливо глядя на содрogaющийся от настойчивых трелей аппарат.

Но сегодня неистово дребезжащий сигнал заставило его вздрогнуть.

– Да чтоб тебя! Одни нервы с этой школой! – выругался он вполголоса, ожидая с поднятой ко рту бутылкой, когда же проклятый аппарат прекратит звонить и можно будет спокойно промочить горло.

Однако... тот и не думал замолкать. Он трещал словно полоумный, оглашая пустой коридор своим мерзким дребезжащим, как голос старой карги, звуком.

Сторож повернулся и посмотрел назад – вдали виднелась открытая дверь канцелярии. В коридор из нее кривым прямоугольником падал свет и было в нем что-то мистическое, потустороннее. Он медленно опустил бутылку на пол и вдруг, не ожидая сам от себя, перекрестился.

В этот момент, словно заколдованный, зазвонил второй телефон – в кабинете директора, потом третий в приемной, а за ним и в учительской – дальше по коридору.

Остолбенев, Николай уставился перед собой, пытаясь понять, что происходит. Однако, выпитое вино не давало ему трезво рассуждать.

Он попытался вспомнить, сколько времени – но не смог, должно быть около одиннадцати вечера, не больше.

«Если это выходка подрастающего хулиганья, то мало им не покажется», – подумал он, сжимая кулаки.

Не заметив поставленной под ноги бутылки, он ринулся вперед, чтобы как можно быстрее обесточить телефонные аппараты. Располовиненный «Агдам» со звоном упал на бетон подсобки. На полу тут же растеклось черное, будто бы кровавое, пятно.

Он чертыхнулся, кинулся за бутылкой, снова задел ее ногой, она отлетела к лестнице и покатила вниз, в подвал, оставляя за собой благоухающий темный след.

Николай озверел. Тяжело дыша, он плюнул в ее сторону, повернулся и побежал к канцелярии.

Его грузное тело раскачивалось в стороны, ноги, налитые свинцом, едва повиновались, но душераздирающий телефонный перезвон неумолимо и настойчиво тянул вперед.

Когда он ворвался в канцелярию, аппарат еще звонил, хотя у него была надежда, что звонящий сдастся первым.

Пока бежал, он живописал в уме, как схватит сумасшедший прибор и разобьет его со всей силы об пол, но, когда Николай остановился у стола, ярость почти полностью выплеснулась. Он тяжело дышал, сердце гулко стучало, отдавая барабанным боем в виски. Вместо казни, дрожащей рукой он поднял трубку и сказал:

– Школа, слушаю...

– Алло! – раздался в ответ женский голос, и он сразу же понял по тону, что лучше бы он не поднимал эту трубку. – Алло! Вы тут?! Почему вы трубку не берете? Кто... Вы знаете где наши дети? Шестой бэ! Уже половина одиннадцатого, они должны были вернуться в шесть часов вечера, но никого нет! Вы меня слышите? Алло!

– Я слышу, – глухо ответил он, пытаясь отдышаться. Воздух с противным свистом вырвался из легких.

– Почему вы молчите?! – взорвалась женщина. – Я требую сказать, где наши дети!

– Я не молчу, – ответил он, не представляя, о чем вообще речь.

– Что?! Вас плохо слышно! Дайте мне директора! Или кто там есть в школе! Немедленно!

– Ну ка дай трубку! – после звуков возни послышался мужской голос. – Алло! С кем я разговариваю?

Николай посмотрел на свое отражение в зеркале. Красное лицо, круги под глазами, синеватый нос, свисающее пузо, стянутое коричневым свитером.

– Со сторожем.

– С кем? Вы шутите?!

Он не шутил. В закрытом на замок кабинете директора, в учительской, что дальше по коридору телефоны продолжали звонить как полоумные.

И вдруг откуда-то из глубины школы раздался глухой настойчивый стук, заставивший его вздрогнуть. Барабанили в дверь, не жалея сил, и эти звуки разлетались по школе как тревожный набат.

– Алло! Алло!!! – заверещала трубка. Он отнял ее от уха, посмотрел на ровные дырочки, откуда вырывался возмущенный воздух и положил на рычаг.

Дверь сотрясалась под ударами неизвестных и это была не милиция. Никто не будет тратить свой воскресный вечер на розыск нескольких несчастных электрических счетчиков.

Может быть – бывший ее новой подруги привел друзей, чтобы с ним поквитаться? – проскочила вдруг шальная мысль. Анята, его новая любовь, с которой он познакомился в очереди за колбасой, недавно призналась, что человек, с которым она рассталась, преследует ее, звонит и даже угрожает...

Но откуда он узнал, где я работаю? Впрочем, она сама могла сболтнуть. Вот же глупые бабы! – рассердился он, направляясь ко входной двери.

Решимость вернулась к нему, а странный звонок с ополоумевшей мамашей, которая не может разыскать своего загулявшего отпрыска, вылетела из головы.

Николай подошел к двери, хотел было открыть, но потом, подумав, шагнул в угол входного тамбура. В руке оказался увесистый стальной совок с длинной ручкой. Дворник оставлял свои инструменты здесь, чтобы не тащиться в подвал с утра. Этим совком можно было кабана перешибить при желании.

Коля улыбнулся, представив как широкое полотно ложится прямиком на темечко обидчику Аняты и повернул ключ, толкнув дверь ногой.

Дверь натолкнулась на что-то мягкое, и он злорадно хрюкнул, открывая ее шире.

С той стороны раздался приглушенный сдавленный голос, кажется женский, ему тут же ответил мужской – грубоватый и возмущенный.

– Чего пихаешь?! Открывай!

– Я сейчас кому-то башку откручу... – грозно зарычал Николай, поднимая совок над головой и выскакивая площадку центрального входа в школу.

Глаза не сразу привыкли к темноте, а когда он смог различать окружающее пространство, его прошиб холодный пот.

Человек пятнадцать, а может и того больше стояли на ступенях школы и под самой дверью.

– Кто вы такой? – резко спросил подтянутый мужчина в светлом болоньевом плаще, внезапно вышедший из-за двери.

– Я? – нервно оглянулся Николай. – Я... сто... рож. А вы... кто?

– Почему не отвечаете на звонки? – голос мужчины был строгим. начальственным.

– Э... я... обход делал.

– Обход? Теперь это так называется? – незнакомец потянул носом воздух и махнул рукой. – Нам нужно пройти в школу, вызвать директора, завучей, милицию, кого угодно. Понятно? Немедленно пропустите!

Николай сделал шаг назад, намереваясь захлопнуть дверь перед носом наглого посетителя, но тот успел подставить ногу. Женщина, стоящая рядом с ним, поперла вперед, словно танк. Толпа позади ее заволновалась, кто-то выкрикнул уже знакомые ему слова:

– Где наши дети?! Вызывай директора сюда!

– Пропустите!

Мужчина оторвал его руку от двери и, аккуратно удерживая за локоть, протолкнул в холл.

Николай и глазом не успел моргнуть, как вся эта волнующаяся и возмущенная толпа направилась в канцелярию. Тревожные женские голоса разлились по пустынным коридорам. Мужчины, их было человека три или четыре, в основном, молчали.

Один из них, в модной кожаной куртке подошел к стенгазете, встав прямо на крест под ней и замер, вчитываясь в корявые строчки.

– Вам туда нельзя! – Николай проследил взглядом, как толпа заполняет канцелярию, потом махнул рукой.

Вечер на задался, он понял это совершенно ясно, как и то, что скорее всего, будет уволен по статье. А значит, деньги за счетчики придется вернуть.

Лицо, покрытое крупными градинами пота, исказила гримаса мучительной боли.

Глава 8

1941 год

– Что мы с этой штуковиной будем делать? – зачарованно прошептал Денис и вытянул пальцы, чтобы потрогать черные кнопки странного аппарата.

Катя тут же шлепнула его по руке.

– Не трогай!

Но он все равно коснулся клавиши – она была холодной, чужой и на его прикосновение ответила упругим движением.

– Вот это да! Похоже на печатную машинку, но... это не она, – сказал Петя, разглядывая аппарат. – Здесь какие-то лампочки, штекеры, выключатели... и бумагу некуда засовывать.

Лена заинтересованно смотрела на кнопки, будто бы примериваясь, сможет ли она заставить бегать их под ее пальцами. Она занималась в кружке машинописи в Доме Пионеров, но таких аппаратов тоже не видела, хотя огромные печатные машинки «Ятрань» чем-то напоминали механизм, застывший сейчас перед ними на столе.

– Тут есть шнур... – вдруг сказал Денис, вытащив черный провод с вилкой на конце. – Она электрическая...

– Значит, запустить точно не получится, – пожала плечами Катя. – Электричества в доме нет.

– Я, кажется, знаю, что это такое, – вдруг сказал Витя, до того молча стоявший по другую сторону стола.

Головы ребят одновременно повернулись к нему.

– Это шифровальная машина. Кажется, она называется... – он напрягся, пытаясь вспомнить название. – Загадка... по-гречески – энигма.

Денис всмотрелся в заднюю панель машины уцелевшим стеклом на очках.

– Точно... – медленно сказал он. – Тут так и написано, смотрите, «ENIGMA».

Витя продолжил:

– Я видел в каком-то фильме про войну, как с помощью похожей штуки немцы зашифровывали сообщения, которые передавали по радию, чтобы их никто не мог прочитать. А потом наши разведчики смогли один такой аппарат переправить через линию фронта и почти полгода немцы были уверены, что наши не могут прочитать, что они пишут. А код расшифровали и потом даже начали вести двойную игру!

– Ни фиги себе! – прошептал Петя. – Значит, нужно как можно быстрее доставить ее в штаб! И тогда... война не продлится так долго, аж...

Он быстро взглянул на Катю. Девушка заинтересованно слушала его и покачивала головой.

– Аж?..

Он сжал губы.

– Война еще долго будет идти...

– Ничего не долго, – парировала Катя, будто бы вообще не услышав ни слова. – Товарищ Левитан говорил, что враг вот-вот будет разгромлен.

– Ты же видела их... в своей деревне, – сказал Витя. – Оборона Москвы будет долгой, – он наморщил лоб, вспоминая урок истории по этой теме. – Кажется... если я правильно помню, только весной сорок второго года, в апреле их отбросят...

– Да что за чушь? – всплеснула руками Катя. – Какой еще весной? Сейчас наши войска как следуют ударят и, может быть, в конце недели все закончится.

– Угу... – мрачно сказал Денис. – Мы должны как можно быстрее...

Она покачала головой.

– Как ты себе это представляешь? Заявитесь в Москву, к товарищу Сталину и скажете, вот, мы нашли... – она взглянула на таинственный, поблескивающий в свете свечи аппарат: – Секретную машину, с помощью которой фашисты шифруют свои сообщения. Возьмите, пожалуйста!

Ребята переглянулись. Предложение и правда было так себе. В мыслях оно звучало легко и просто, а стоило произнести вслух и тут же появились вопросы.

– Во-первых, на первом же посту нас схватят, отправят на Лубянку, где будут долго допрашивать. Знаете сколько сейчас шныряет диверсантов в лесах, и я слышала, фашисты используют даже детей!

– Но мы же скажем правду, чего нам бояться, – пожал плечами Денис. – Наши точно разберутся. А потом еще, может, и... наградят.

– Посмертно... – попытался пошутить Петя отрывком из известной кинокомедии, но Катя взглянула на него так, что он сразу умолк и улыбка на лице растаяла без следа.

– Не смешно.

– А ведь Катя права, – сказала Лена тихо. – Мы же не знаем, что это за штука и с какой целью немцы ее привезли. Ты говоришь, что мы честно все расскажем. А если окажется, что эту машину специально подкинули, чтобы обмануть наши войска? Ты такое мог представить, а? – она посмотрела на Дениса. – И тогда о награде можно не мечтать. Мы реально подведем всех и нас будут судить по законам военного времени.

– Ага, – сказала Катя.

Витя подошел к печке и принялся поворачивать мокрую сохнущую одежду.

– Что же нам делать? – спросил он, оборачиваясь.

– Я думаю... самое лучше – незаметно подкинуть ее к какому-нибудь посту, где ее увидят наши солдаты. Они уж сами позаботятся.

– А что... это идея... – согласился Петя, зевнув. – Но сперва нужно отдохнуть. – Он посмотрел на полати, потом окинул взглядом почти потухшую печь. – Давайте на боковую.

Катя встала с табуретки и покачала головой.

– Нет. Спать мы будем не здесь.

– А где? – удивленно спросил Витя, тут же подумав, что, если придется еще куда-то идти, он, пожалуй, откажется.

– Здесь слишком опасно, в любой момент могут нагрянуть фрицы или еще кто-нибудь, а мы все уснем. Да у нас даже винтовки нет, чтобы обороняться.

– Где же еще? – повторил вопрос Денис.

Катя пожала плечами и махнула рукой в сторону закрытого сундука, неприметно стоящего в самом дальнем углу избы.

– Там.

– В погребе? – не понял Витя.

– Да, только там. Надежное укрытие, да еще и хорошо замаскировано. Собираем все теплое, что есть в доме и быстро спускаемся вниз. – Катя прислушалась. Вой ветра за окном не давал что-либо разобрать, но она покачала головой. – У нас мало времени.

Витя поежился.

Никто не хотел идти в сырой и холодный погреб, но теперь, когда возвращение домой и теплая кровать откладывались на неопределенный срок, остальные варианты исчезли сами собой.

Денис пошел по дому, сгребая в охапку ткани, покрывала, полотенца, что попадались под руку и передавал их Пете, а тот бросал вниз, в открытое чрево сундука.

– Завтра же в школу с утра, – сказал он как бы мимоходом, но Петя расслышал его слова, обернулся и внимательно посмотрел на одноклассника.

– Ты правда надеешься попасть домой?

– А ты – нет?

Они взглянули друг на друга словно бы впервые – еще вчера они были детьми и такие вопросы их совершенно не занимали.

– Мы на войне, – тихо ответил Петя. – Здесь всякое может случиться. – Голос его слегка дрожал и был так серьезен, что у Вити, который стоял в тени печки и случайно подслушал их диалог, поползли по спине мурашки.

– Мы на войне, – одними губами повторил он Петин ответ, словно пробуя эти слова на вкус. И вкус этот был горьковатым, сухим и страшным.

Глава 9

1941 год

Незнакомец растворился в свистящем сумраке. Шаров оглянулся, пытаясь сообразить, куда он мог пропасть, но тут же понял, что это бесполезно. Вокруг не было ни души. Темный вал стадиона выглядел тревожно и обреченно. Он терпеть не мог пустые стадионы и старался не приезжать на соревнования сильно заранее, хотя откуда взялась такая привычка, или точнее сказать, почти невроз, ему самому было непонятно.

Пару раз, когда он являлся к важным забегам впритык, практически не оставив времени на разминку, Петр Андреевич, тренер, чуть ли не выгнал его – он, конечно, понятия не имел, что Илья успел хорошенько размяться, только не на стадионе, а рядом, в сквере с миниатюрным фонтаном в виде пухлого бронзового Купидона, где располагалась небольшая физкультурная площадка. Удивленные пенсионерки, глядя на молодого человека в спортивной форме с надписью «СССР» на спине, который интенсивно разминался, поглядывая на гудящий стадион, морщили лбы, пытаясь припомнить смутно знакомое лицо, но вряд ли кто из них мог подумать, что это сам Илья Шаров, молодая звезда легкой атлетики, у которого через считанные минуты состоится забег на стадионе «Локомотив», а он с невозмутимым видом выполняет выпады и приседы, заставляя молодящихся мужичков и женщин «слегка за 50» подбирать животики и бодрее вращать туловищами и остальными частями тела.

По невидимой чаше стадиона прокатился порыв ветра, загудел в судейской башне, заставил вибрировать пустые флаштки. Ему показалось, что стадион ожил, задрожал переливающимся многоголосием в предвкушении поединков и вдруг где-то там, в скрытой высокими стенами чаше грянул выстрел, до боли похожий на звук стартового пистолета.

Шаров инстинктивно дернулся. Видение тут же пропало, а выстрел, судя по всему – был настоящим. Раскатистое эхо прокатилось в воздухе, отразилось от серых стен и повисло совсем рядом.

– Стой! – раздался резкий голос. – Стой, кому говорю!

Кричали со стороны центрального входа, именно того, где на фотокарточке он позировал рядом с незнакомым мужчиной, удерживая под мышкой светлую сумку, набитую деньгами.

Шаров слегка присел и, озираясь, медленно попятился к раздевалке. Кричали явно не ему, но в полутьме, озаряемой то и дело выскакивающей из-за туч луной в точности ничего нельзя было утверждать.

Укрывшись позади бетонного блока, он осторожно выглянул. Тяжело ступая, со стороны стадиона к дороге вдоль поля, откуда он пришел, пробежали двое мужчин с винтовками в руках. Через пару минут за ними последовал низенький человек в штатском. В руке его сверкнул пистолет. У светлой дорожки, огибающей стадион, мужчина вдруг остановился и, поигрывая оружием, уставился в сторону раздевалки. Их разделяло метров сорок. Шаров почувствовал, как по спине побежали капельки пота. Ветер вдруг умолк и стало необыкновенно тихо – только далекая канонада на западе словно неуместный фон нарушала эту тишину.

Мужчина переступил с ноги на ногу. Под его ботинком скрипнул песок. Он кашлянул – хрипло и натужно, сплюнул мокроту и злобно выругался.

Ни жив ни мертв, Шаров вжался в холодную шершавую стену. Если придется бежать – то куда? Он всмотрелся в темноту – за лесной полосой, ограждающей стадион не было видно ни зги. Там дальше – высокий забор. Если придется бежать, его нужно будет перепрыгнуть. Шаров затаил дыхание, сжался как пружина, готовый сорваться в одно мгновение. Каждая клеточка

его организма напряглась, будто бы он застыл на старте, стадион замер, боясь вздохнуть и невидимые зрители уставились на судью.

Мужчина вновь шаркнул ногой, – протяжно, словно растирая что-то и тут до Шарова долетел запах табака – штатский курил, оглядываясь по сторонам. Затем он бросил папиросу на землю, посмотрел на лестницу, ведущую к стадиону и быстрым шагом направился вдогонку убежавших вперед бойцов.

Шаров осторожно выглянул из укрытия. Мужчина вышел через приоткрытую в заборе калитку, обернулся, замотал ее цепью – однако замка на цепи не было. Еще раз окинув взглядом стадион, штатский растворился в тени.

Выждав еще минут десять, он вдруг почувствовал сильную дрожь – тело словно заколотилось в судорогах, – холод, смертельная опасность давали о себе знать. И, когда, наконец, начальник патруля ушел, напряжение рухнуло. Шаров опустил ладони на мокрую землю, сосчитал до десяти, концентрируя в животе комок жара, как делал перед забегом, и когда дрожь отступила, рывком поднялся. Пригнувшись, он побежал в сторону калитки. Нужно было уходить, пока сюда не пришел еще кто-нибудь.

У поворота он замедлил бег и посмотрел на лестницу стадиона. Глаза, привыкшие к темноте выхватили пятно – бесформенное, словно куча грязи, которых здесь, да и по всему городу было предостаточно, оно, тем не менее, выглядело как-то пугающе.

Поборов искушение тут же выбежать за ограду, Шаров прислушался и подбежал к этой куче. Нагнувшись, чтобы разобрать в темноте, что же это – он тут же отпрянул. На него смотрели безжизненные стеклянные глаза мужчины, с которым он только что разговаривал в раздевалке.

– Тренер... – прошептал он, окаменев от ужаса. Поднял взгляд и увидел ту самую арку, где была сделана фотография – и вдруг солнечный погожий день, наполненный смехом, счастливыми голосами людей, гулом стадиона всплыл в его памяти с удивительной ясностью, как будто все это было только вчера.

Он стоит у арки рядом с тренером, мимо прошла влюбленная парочка и он окликнул их, ребята обернулись. Увидев спортсмена в майке «Динамо», сразу же узнали его и заулыбались.

– Андрей Викторович! – воскликнул парень, – неужели это вы? Правда?!

Он кивнул и тоже широко улыбнулся.

– Не могли бы вы меня сфотографировать с моим тренером? – попросил Шаров парня и тот сразу же согласился.

Щелкнул затвор камеры, Шаров повернулся, продолжая улыбаться и поймал во взгляде тренера какую-то тень, будто что-то пролетело между ними темное и неприятное.

Он крепче сжал сумку, которая приятно согревала тело и потянулся за камерой.

Девушка спросила:

– А вы не дадите нам автограф? Извините, больше не на чем писать, – смущенно сказала она, протянув коробку конфет. – На обратной стороне.

Шаров повернулся к тренеру.

– Позвольте ручку, Александр Андреевич!

Тот вынул из нагрудного кармана ручку. Шаров ненароком коснулся его пальцев. Несмотря на теплый вечер, они были холодные как лед.

Он расписался на коробке конфет и ребята пошли на стадион, оставив спортсмена и тренера возле арки.

– Пора, – вдруг сказал мужчина. – Осталось пять минут. Ты, как всегда, опаздываешь. – Он пристально посмотрел на Шарова и во взгляде его промелькнул все тот же странный холод.

– Может, он догадался, или как-то узнал? – подумал Шаров. – Нет... этого не может быть...

– Держите камеру! – он протянул фотоаппарат тренеру. – Я побежал на старт.

– Сумку тоже давай! Куда ты ее там денешь?

Шаров улыбнулся, но улыбка вышла натянутая, неестественная.

– Да тут... у меня... ничего важного, кину там на скамейку, никто не возьмет.

Тренер посмотрел на него, как бы взвешивая свой ответ. Затем покачал головой и как-то грустно сказал:

– Главное, не забудь потом, где оставил.

Шаров посмотрел на лежащее тело. Опустился перед ним на корточки и, с трудом пере-силивая себя, полез во внутренний карман трупа. Рука прикоснулась к чему-то теплому и влажному и ему на миг показалось, что человек еще жив. Едва не закричав, чтобы позвать на помощь, Шаров другой рукой попробовал найти пульс на шее, но тщетно. Он был мертв.

Наконец, нащупав бумажник, он вытащил его и увидел, что пальцы окрасились в темный цвет. Быстро сунув бумажник в карман, он вытер руку о штанину тренера.

– Александр Андреевич... – прошептал Шаров. – Что же вы меня не остановили...

Он поднялся на ноги. Голова кружилась.

«Не забудь потом, где оставил», – горели в мозгу слова тренера.

Где же он мог спрятать деньги? Наверняка, это был не единственный раз. Где-то был тайник, деньги сейчас очень бы емугодились. И не только ему.

Шаров снова посмотрел на неподвижное тело тренера, которого он никогда не видел – по крайней мере, в той, другой, будущей своей жизни, вздохнул, осторожно прикрыл веки покойнику, поднялся и побежал в сторону калитки.

Нужно было спешить. Он вдруг подумал о том, что дети, его дети, за которых он в ответе, наверное уже узнали правду – не ту, которую сообщила им на словах странная девочка... как ее звали... кажется, Катя, а правду, – когда небо кипит разрывами зенитных снарядов, тебе в спину кричат «Стой, стрелять буду!», и странные люди, источающие тьму и опасность, возникают из ниоткуда, словно предвестники ада, делают свое дело и уходят, оставляя тебя наедине с самим собой и немым вопросом: «Когда же придет моя очередь?»

Шаров осторожно прокрался вдоль изгороди – дорога, куда убежал патруль (или кем они были), выходила на шоссе, по которому текла людская река. Из-за холма людей не было видно, но постоянный гул, доносившийся оттуда, чем-то походил на странное бесконечное песнопение, застрявшее на одной бесконечной низкой ноте.

Он поежился, припомнил адрес, который сообщил ему мужчина в раздевалке. Для того, чтобы туда добраться, нужно было выйти на Щелковское шоссе, а значит, и на Большую Черкизовскую и избежать встречи с людьми не удастся.

Запахнув пальто, он быстрым шагом направился вперед, отмечая взглядом все опасности, которые могли поджидать. Не доходя Черкизовской, слева он увидел большой деревянный дом. На фасаде висела большая прямоугольная табличка с нарисованными большими черными буквами «Милиция».

На ступенях стоял человек и всматривался в бесконечную толпу. Он был в кожаной куртке с ремнями крест-накрест. На боку висела кобура. Мужчина молча курил. Шаров сразу понял, что встречи с ним не избежать и скорее всего, ничего хорошего это ему не сулило.

Слева, на дорожке застыл легковой автомобиль неизвестной марки, а чуть дальше, немного не доходя до самого дома стоял небольшой деревянный стенд. Шаров слегка притормозил и скользнул по нему взглядом. Нужно было придумать, что сказать милиционеру, откуда и куда он направляется. И зачем. Был бы он в толпе, вопросы бы не возникли, но он идет со стороны стадиона, а там... ни одного человека и только что пробежал патруль, который застрелил, как они, наверное, подумали, мародера или нарушителя, а на самом деле, его тренера.

Мысли лихорадочно прыгали в голове. Он замер у стенда, даже не пытаясь посмотреть, что там написано. И когда на плечо легла тяжелая рука, а глаза защипало от ядреного папиросного дыма, он вздрогнул. Душа ушла в пятки.

– Кого-то узнаете? – услышал он хриловатый, но довольно приятный мужской голос.

Шаров не сразу понял, о чем спрашивает мужчина. Первой мыслью было, что вопрос касается тех людей, что идут по Черкизовской – беглецы, беженцы с западных окраин страны: откуда ему знать их?

Но когда первая растерянность прошла и взгляд сфокусировался на доске, он вдруг увидел, что сверху написано: «Их разыскивает милиция». А ниже пять или шесть портретов, нарисованных и размноженных с таким отвратительным качеством, что вряд ли кто-то бы опознал в этих людях преступников, даже если бы столкнулся с ними нос к носу.

Шаров медленно переводил взгляд с одного лица на другое – угадать общие черты, конечно, можно было, но не более того.

Мужчина терпеливо ждал и Шаров понял, что тот особо никуда не спешит, потому что зажал свою жертву в угол. Он даже не спешит выяснить, кто стоит спиной к нему, изучая доску.

Время, казалось, замерло. Замер поток людей, замерли неразличимые разговоры и гул самолетов в небе.

Шаров посмотрел на последний портрет. Он не сразу понял и даже не разобрал лица – нарисованный от руки фоторобот был сильно потрепанным, будто бы провисел здесь несколько лет. На него смотрело жесткое худое лицо. Короткий ежик волос, надменный прищур, выдающиеся скулы, тонкий прямой нос с горбинкой. На лбу – то ли бороздка, то ли морщина, – странная для столь юного возраста. А может быть и шрам.

Гипнотизирующий взгляд, который угадывался даже на этом невзрачном портрете буравил с неумолимой жестокостью.

– Неужели узнаете? – снова раздался голос мужчины. Потрясенный фотороботом, Шаров совершенно забыл о его присутствии.

– Да. То есть... кажется... – он повернулся и мужчина, оказавшийся обладателем довольно неприятной внешности для такого красивого баритона, слегка отпрянул.

– Ба! – выкрикнул он. – Это же вы! А я думаю, кто это со стадиона идет, сейчас я быстро проверю его документы... А это сам Андрей Емельянов! Не может быть! Глазам своим не верю!

Шаров сконфузился, улыбнулся своей самой чарующей улыбкой и развел руки.

– Пришел вот... попрощаться...

– На фронт?

Шаров кивнул.

Мужчина мечтательно задумался.

– Да... были дела... – он глянул в сторону стадиона. – Там наши только что нарушителя поймали... не видели?

– Нет, я только со стороны посмотрел... ничего не...

– А помните, как вы Коновалова на десятке перегнали на финише? – мужчина покачал головой. – Тогда ведь Конь был первым, на вас никто и не ставил. А я... – он хитро подмигнул, – поставил на вас всю получку! Нам, конечно, нельзя, запрещают... но...

Шаров снова улыбнулся.

– Если тихонечко, то можно.

– Точно!

– И забрал тогда пятнадцать тысяч! Представляете!

Шаров присвистнул.

– Наверное, вы и сами не ожидали, что выиграете? Или знали с самого начала? Всегда хотел задать вам этот вопрос, – признался чекист.

Если бы он помнил... однако, ради того, чтобы беспрепятственно продолжить свой путь, вспомнить нужно было.

– Я хотел победить, – сказал тихо Шаров. Голос его прозвучал неестественно, будто бы принадлежал не ему, а был украден у того, второго человека, тоже бегуна по имени Андрей Емельянов. – Очень хотел.

Мужчина кивнул.

– Ну... – медленно произнес он, – иногда хотеть – мало. Если бы все хотели и тут же получали... так нет же. Так не бывает.

Шаров засунул руки в карманы пальто.

– Вы же сильно хотели... и получили.

– Да уж. Но, наверное, это все же благодаря вам. А не потому, что я что-то там хотел. Вы тренировались. А не просто хотели.

– Еще как тренировался.

– Ну вот, видите. А я выиграл, получается, просто так.

– Вы рисковали.

– Да разве это риск... – он вдруг указал рукой на портрет, который притянул внимание Шарова. – Вы же его узнали. Я за ним бегаю уже пять лет. Сейчас, конечно, не время, да и пропал он куда-то, но я должен спросить – может вы его видели?

Мысли в голове Шарова лихорадочно засуетились. Что ему ответить? Врать бесполезно, похоже этот человек видит людей насквозь.

– Такое ощущение... – медленно сказал он, глядя чекисту прямо в глаза, – что я видел его на стадионе. Он сидел в первом ряду недалеко от линии старта. Но... это было давно. Кажется... в тридцать седьмом. А больше нет, не приходилось.

Мужчина вздохнул.

– Да... не густо. Изворотливый гад, не удастся даже выследить как следует. Всегда на шаг впереди.

Шаров выждал немного, а потом спросил:

– А что он такого сделал-то?

Чекист как-то странно ухмыльнулся и покачал головой, докуривая папироску.

– Маньяк он. Вскрывает людей, как консервные банки. Похоже... это доставляет ему удовольствие.

Шаров почувствовал, как мороз пробежал меж лопаток.

– Он – серийный убийца?

– Да... но поймать мы его никак не можем, – чекист развел руками. – Ну, рад был видеть... если что, забегайте. Я здесь бываю редко, это сегодня видите, что творится... и в городе переполох, вызвали на усиление. Но будете на Петровке, заходите в гости, буду рад видеть.

– С удовольствием, – соврал Шаров и протянул незнакомцу руку: – А кого спросить-то?

Мужчина тоже протянул руку, крепкую и жилистую.

– Старший лейтенант Гром Федор Ильич.

Шаров пожал руку.

– Ну, не буду задерживать, – сказал Гром. – Спасибо... что победили тогда!

Шаров кивнул, улыбнулся натянутой улыбкой и медленно пошел в сторону бурлящей от народа улицы.

Глава 10

2010 год

Профессора привел Шаров. Молча втолкнул его в кабинет, где в мерцающем освещении тусклой лампы сидели шестеро взрослых людей, мрачных и задумчивых.

Он придвинул старику стул и хорошо заученным движением с силой надавил на его сутулые плечи. Тот плюхнулся на сиденье. В такие моменты Шаров любил иногда убирать стул, чтобы задержанный, нелепо взмахнув руками, плюхался на пол, кривясь от боли и неожиданности. Такое начало давало ему приличную фору. Никакого насилия, но далее разговор как правило, проходил в позитивном и взаимовыгодном русле. Едва не дернув стул, Шаров, однако сдержался. Все-таки он не в родном участке. И все же, задержанный, как он сам про себя называл профессора, не проявлял ни нервозности, ни страха: в его глазах не было заметно той щенячьей участливости, появляющейся у большинства переступивших порог отделения полиции. Старик же, несмотря на проведенное время в тесной комнатке с пауками, из мебели в которой был лишь один драный и прокуренный топчан, смотрел с нагловатым дерзким прищуром, будто бы не он был их пленником, а все они, присутствующие в комнате.

Денис поежился. Привыкший к суровым морским будням, простым грубоватым репликам старпома, он чувствовал себя не в своей тарелке, а происходящее чем-то напоминал ему старый фильм по роману Агаты Кристи «Десять негрятят». Он припомнил рассказ Виктора и тут же живо представил, каково это провести несколько лет в больнице, где главным врачом был этот мерзкий тип с тонкой шеей и каким-то бесчувственным птичьим взглядом.

Лиза смотрела на старика изучающим взглядом. На пути к богатству и власти ей приходилось сталкиваться с разными субъектами, нередко они были мерзкими и неприятными, но этот субъект, как она сразу же поняла – распространял вокруг себя почти осязаемую опасность. Она предпочитала не иметь с такими дел, потому что никогда не знаешь, чем все может закончиться и на каком этапе сотрудничества почувствуешь в спине холодную твердь клинка.

Лена отвернулась, не в силах скрыть отвращения и даже страха. Виктор же наоборот – будто бы потянулся к Инину всем телом и тот даже слегка напрягся, хотя его напускное благодушие, кажется, ничем нельзя было поколебать.

Давид сложил ладони вместе и что-то прошептал, покачав головой. От Инина исходило что-то недоброе, но не как, например, от льва, которому на роду написано быть благородным хищником, а как от гиены – маленькой, подлой и хитрой.

Лишь один Петр остался безучастным. Он смотрел на доктора, как люди порой смотрят на что-то абсолютно невзрачное, неприметное или набившее оскомину.

Шаров хлопнул доктора ладонью по плечу.

– Ну вот, мы и в сборе. Времени у нас не так уж много, у всех важные дела и, честно говоря, мы смотрим на эту затею весьма скептически, мягко говоря. Я сейчас говорю лично от себя, но уверен... – Шаров сделал паузу и оглядел смутно и будто бы знакомых ему людей... – ...что каждый из вас со мной согласится. Лично я из вашего путаного объяснения вообще ничего не понял. Какие-то сеансы воспоминаний под воздействием стимуляторов. – Он чуть было не добавил, что и сам порой пользуется похожими способами для того, чтобы заставить задержанных вспомнить то, что ему нужно. Но так как прекрасно знал, чего стоят такие показания, решил не нервировать собеседников. Так что... – он оглядел кабинет. Настороженные люди ловили каждое его слово. – ...Мы слушаем. И я бы на вашем месте поторопился, потому что у меня уже давно чешутся руки отвезти вас на Петровку. Там вас давно заждались.

Шаров обошел стул доктора, на ходу достал сигарету, прикурил и уселся на место, которое некогда занимал командир части. Вместо портрета лидера нации над его головой теперь светлел неровный прямоугольник, в центре которого виднелась рваная надпись, нанесенная куском черной смолы: «Жизнь прекрасна, но она напрасна».

Минуты три доктор молчал, оглядывая присутствующих, будто бы пытаясь вспомнить про каждого из них что-то важное, написанное в невидимом анамнезе. На его лице, словно вылепленном из гипса, не отражалось ни единой эмоции. Однако опытным взглядом сидельца Виктор уловил, что доктору явно не по себе.

Что-то пошло не по его плану.

Легкое, едва заметное подергивание правого века. Вряд ли кто-то бы обратил на это внимание, но однажды, когда он стал свидетелем серьезной карточной игры, бывалый зека, наблюдая со шконки разворачивающийся поединок, окатил его ядреным чефирным духаном и шепнул: «Знаешь, Витёк, кто сегодня банк возьмет? Зырь внимательно...»

Виктор глянул на четверых игроков, но ничего сказать не смог. Разве что сидевший справа слишком суетился.

«Нет, – сказал зека, – этот просто блефует, поэтому и дергается. Карта у него не самая жирная, но пойдет. А вот очкарик, напротив него, тот спокоен. Но карта у него дрянь. А все почему? Глазик... смотри, как дергается...»

Виктор присмотрелся и правда, нет-нет, но тяжелое веко довольно упитанного мужчины с большим прыщом на щеке едва заметно вздрагивало.

Точь-в-точь как у этого...

– Что ж... – бесцветным голосом начал доктор. Лена, услышав его, вздрогнула и подняла на него полный ненависти взгляд. – Раз уж... вам это удалось... собраться... значит, пора и мне сделать что-то полезное.

– Это уж точно, – хмыкнул с командирского кресла Шаров. – Он выпустил облачко дыма, которое медленно поднялось к потолку, покружилась с минуту и растворилось в желтоватой полутьме.

– Я уже рассказывал, чем и как я занимался в... лаборатории. Но для тех, кто не слышал, повторю вкратце еще раз. В аспирантуре я заинтересовался поведением некоторых... м... м... больных, которые находились в пограничных состояниях, вызванных как болезнями, я имею в виду, конечно же, психические заболевания, так и в общем-то здоровых, но поставленных в крайне сложные обстоятельства людей. Например... некоторые советские бойцы в Афганистане получив тяжелые ранения, делились воспоминаниями, которые казались полностью вымышленными, если бы... не были удивительно точными и реалистичными. Обычный бред, скажете вы. И действительно, в основном, во многих случаях так и было. И я тоже был уверен...

– Вы что, служили в Афгане? – спросил вдруг Шаров.

Едва заметный мускул на лице Инина дрогнул.

– Было дело.

– И кем же?

– Полевая хирургия.

– О как... – удивился Шаров. – Надо же... И вдруг поменяли специализацию?

Инин не ответил на его вопрос.

– Так или иначе... – продолжил он, – несколько таких случаев мне удалось проверить. Не полностью, конечно, это было невозможно. Частично. И выдумки оказались правдой, хотя этого не могло быть. Никак.

– Что вы имеете в виду? – Лиза, выглядевшая слегка поникшей (оно и понятно, после такой демонстрации), вдруг оживилась.

Инин хмыкнул. По его лицу было видно, что он знает гораздо больше, чем говорит. Более того, это знание каким-то образом делает его не пленником, заложником ситуации, а наоборот

– он словно возвышался над всеми, исподволь распространяя свою зловещую ауру. Его не смущали ни регалии, ни звания и опыт, ни даже богатство некоторых присутствующих. Его не смущало даже то, что в любую секунду он мог оказаться в руках полиции – от которой так ловко скрывался половину своей жизни.

– Расположение отряда внезапно атаковали моджахеды. Один капитан из отряда разведки, первым обнаруживший скрытое наступление на наши позиции, получил тяжелое ранение в ногу... я пытался спасти его, но за стенами дома, где мы укрылись, шел бой. В окно влетела граната и капитан...

Виктор дернулся... болезненная мука искривила его лицо. Лена с тревогой посмотрела на друга.

– Вить, все нормально? – шепнула она ему.

Виктор с трудом кивнул. Губы его пересохли. Дрожащей рукой он взял со стола стакан воды.

Доктор внимательно посмотрел на Виктора. Зрачки его сузились, он выждал пару мгновений и продолжил.

– ...накрыл ее своим телом, чтобы... видимо, спасти меня. Да, он меня спас ценою собственной жизни. Полученные ранения были несовместимы с жизнью. Однако перед смертью он успел кое-что мне рассказать.

– И что же такого интересного он вам рассказал? – скептически спросил Петр и покачал головой. Происходящее все больше напоминало ему какую-то дешевую голливудскую поделку.

Виктор поднял стакан ко рту и попытался отпить, но рука его тряслась, как у заправского алкоголика. Так и не сделав ни единого глотка, он резко, расплескав воду, поставил стакан обратно.

– Что в девяносто первом Союз развалится.

– Это и так было понятно, – протянул Петр. – Тоже мне предсказание.

– Он назвал точную дату. Двадцать шестого декабря. А еще он сказал, что однажды ко мне придет человек, которого я узнаю. Который не оставит меня равнодушным. Из-за которого все это началось.

– Угу... у меня каждый день в приемной толпы таких. Мнят из себя мессий, пророков и прочих ясновидцев. Знаем, проходили.

Инин бросил на Петра быстрый насмешливый взгляд.

– Ладно... Петя, успокойся! – прервала его Лиза. – Так что, пришел этот человек?

Профессор медленно кивнул.

– Да. Пришел.

– И где же он сейчас?

Виктор часто дышал. Лицо его покраснело и покрылось пятнами, хотя в помещении было прохладно.

– Да вот же он, – все тем же бесцветным голосом сказал профессор. – Сидит перед вами.

Сначала никто ничего не понял. Они принялись оглядывать друг друга, озабоченно и тревожно, словно пытаясь найти лазутчика, агента и не находя его в себе – отрицательно качали головой, мол, это точно не я. В какой-то момент, когда методом перебора выяснилось, что никто этим человеком быть не мог, взгляды вдруг разом пересеклись на Викторе.

Он замер, ни жив ни мертв. Краска с лица схлынула, и он стал мертвенно бледным. В комнате воцарилась жуткая тишина.

– Витя... – шепотом произнесла Лена. – Что... он говорит?

– Что я говорю, а? – могильным голосом профессор повторил ее слова. Стул под ним отвратительно скрипнул.

Виктор почувствовал, как жуткий холод сжал его грудную клетку. Он силился вздохнуть – и не мог.

– Я... я ничего... не помню... – прохрипел он.

– Все ты помнишь... – улыбнулся доктор. – Расскажи нам.

Инин щелкнул пальцами и в ту же секунду Виктора затопили воспоминания – настолько яркие, реалистичные и одновременно ужасающие, что он пошатнулся и его повело в сторону. Лена успела удержать друга за плечи, иначе бы он точно упал со стула.

На мгновение его ослепила яркая вспышка, и тут же наступила тьма – как если бы кто-то выключил в комнате свет. Он бежит по пролеску, очертания которого ему хорошо знакомы. Впереди идет женщина с сумочкой. Он откуда-то знает и женщину и то, что в сумочке у нее деньги. Много денег. А ведь ему они гораздо нужнее, чем ей. Силы неравны, но он знает, что, если быстро накинуть удавку на шею и удержать ее хотя бы секунд десять, жертва ослабнет и не сможет сопротивляться. Останется спокойно довершить свое дело. И забрать добычу.

Он крадется за ней по узкой тропинке, прячась за стволами деревьев и диким кустарником. Она идет довольно быстро, в ее движениях чувствуется страх. И с каждым шагом страх нарастает – так, что она едва не спотыкается о дерево, лежащее поперек тропинки, и не падает в сырую траву. Он чувствует, как испуганно колотится ее сердце и тоже проникается этой лихорадкой.

Он легко настигает ее в тот момент, когда женщина, потеряв равновесие и раскинув руки, пытается сдержать крик. Удавка затягивается вокруг рыхлой шеи. Сумочка падает из рук. Но она ему особо не нужна. Так – приятное дополнение к охоте. Женщина пытается бороться, но страх затмевает ее разум. Она пыхтит, из горла раздаются булькающие хрипы. Виктор чувствует возбуждение, накатывающую волнами эйфорию и руки затягивают петлю все сильнее.

Осталось совсем немного. Она еще пытается бороться, но делает это неуклюже, как утопающий человек – бессильно вскидывает руки над водой, хватая ртом воздух, – словно в последний раз. Обмякшее тело слишком тяжелое – женщина начинает заваливаться на спину.

И тут он чувствует, что в кустах кто-то есть. Кто-то может ему помешать и поймать, раскрыть его инкогнито. Он замирает и жертва, словно почувствовав эту заминку, из последних сил дергается, отталкивает его. Удавка выскальзывает из вспотевших рук, а она, почуяв свободу и, возможно, получив последний шанс, резко отстраняется и неожиданно легко и быстро устремляется вперед – туда, где сквозь ветви деревьев светят окошками мрачные пятиэтажки.

Он мгновение думает – бежать вслед за ней? Нет, это слишком опасно. Сердце грохочет, эйфория уходит. Виктор нагибается, хватая сумочку и зыркнув по темным кустам, устремляется в чашу.

Запахи прелой листвы бьют в нос, а он бежит, бежит, пока наконец, не чувствует себя в безопасности.

Что он расскажет матери? Отдышавшись, он понял, что достиг другого края лесного массива и когда выскакивает из него, неожиданно натывается на почтальона, который выглядит испуганным и оторопевшим. В голову сразу приходит решение. Он точно знает, что говорить, когда спросят – кого он видел в лесу.

Все эти мгновения Виктор переживает так быстро, что ошеломляющая правда, вдруг всплывшая в памяти, заставляет его застонать.

Он сжал виски – это не было похоже на очередной приступ мигрени, боль в сто раз сильнее, пронзившая мозг, словно раскаленная игла.

– Что? Витя, что!?! Что ты вспомнил? – Лена трясла его за плечи.

– На, выпей, – Лиза протянула стакан воды и на этот раз он выпил махом.

– Это я... – прошептал он. – Это же я... – мутным взглядом он оглядел комнату. – Я убийца. Я тот самый маньяк. Я знал все с самого начала, потому что сам себе... магнитофон... это же так просто...

Петр скривился.

– Витя, ты нас пугаешь. Какой маньяк? Ты о чем?

– Моцарт, – сказал Денис. – Убивал детей в восьмидесятых.

– Так мы и сами были не очень-то взрослыми... – задумчиво произнесла Лиза.

– Думаете, шестиклассник не может убить человека? – с легкой улыбкой возразил профессор. – Могу заверить... еще как может. Тем более, ребенка.

– Основной массив убийств произошел как раз в тех местах... но... – Шаров покачал головой и скептически посмотрел на Виктора. – Мы, конечно, искали взрослого... никому бы и в голову не пришло, что это... Ты... – он посмотрел на Виктора.

– Судя по всему, надлом случился после гибели отца... – сказал доктор. – Тот человек, который спас мне жизнь и был его отец, но тогда я конечно об этом не знал.

– Пока что все это слова, – протянул Шаров. – Не так давно вы говорили совсем другое.

– Говорил, чтобы проверить вас и вашу реакцию. Вы же залезли в больницу вместе, откуда я знаю, может вы заодно.

Шаров вдруг подумал, что как раз во время отсидки Виктора убийства прекратились, но все равно, он был настроен скептически.

Давид вдруг резко встал, подошел к Виктору, взял его за локоть и потянул к двери. Тот бессильно повиновался.

– Мы сейчас придем, – бросил Давид.

Он провел Виктора к лестнице, они спустились в темноту и остановились на крыльце. Потом Давид шагнул вперед, туда, где маячил продуваемый всеми ветрами пустынный плац.

Виктор медленно побрел за ним. Воспоминания, как обрывки сожженной газеты болтались в его памяти, всплывая полуистлевшими заголовками.

Они дошли до места, где когда-то стоял их отряд перед тем, как двинуться в лес. Давид взглянул на двухэтажное здание штаба части. Задернутые черным окна были почти не видны. Они оказались словно в безвременье – ни вчера, ни сегодня, ни завтра – только те самые сгоревшие заголовки, которые невозможно полностью прочитать.

– Ты не боишься? – спросил Виктор. Его тело сотрясала крупная дрожь. Но не от холода, а от диких, затопивших сознание воспоминаний.

– Кого? Тебя?

– Да. Ведь... я там был. Это я...

– Нет, не боюсь. Но... ты прав. Ты действительно там был. Поэтому тебе так легко было внушить это воспоминание.

Виктор взглянул на друга.

– Ты думаешь, мне все это просто кажется?

– Не все. В том то и дело. Против нас играет чрезвычайно хитрый и умный противник. Он... – Давид задумался... – если хочешь, сам дьявол. Он настолько хитер и изворотлив, что у него... практически нет слабых мест. Но ты не убийца. Хотя я почти не сомневаюсь, что если полиция пересмотрит твоё дело, то найдет недостающие улики, на основании которых тебя можно будет обвинить в этом... А может быть... – монах задумался. – ... может быть не только тебя, но и каждого из нас. Но я абсолютно уверен, что к убийствам ты не имеешь никакого отношения. Только в одном он прав.

Глаза Виктора расширились.

– В чем же? – тихо произнес он.

– В том, что... все началось с тебя.

Виктор открыл рот и тут же закрыл его, не в силах сказать ни слова.

– Поэтому он и не отпускает тебя. И нас тоже. Поэтому он нас и собрал. Не мы собрались. Он собрал нас. Твоими руками. И не для того, чтобы нас спасти. Плевать он на нас хотел. Он очень переживает только за одного человека.

Где-то в лесу гаркнула ворона и тут же, словно вторя ей, разразился многоголосый резкий гвалт, который, перекрывая стоны ветра, сотряс воздух над заброшенной воинской частью.

Виктор вздрогнул. Человек, который смог собрать их тут, внушить, что это, прежде всего, нужно им самим, объяснив все туманными полуфантастическими намеками о якобы неминуемых последствиях обладал поистине дьявольским умом. Впрочем... с чего же все началось? И когда? Ясно, что с того вечера, когда он достал магнитофон из шкафа... Только в каком году это произошло? Школьником, он хотел услышать запись голоса отца, который погиб... но вместо этого услышал...

– Я... слышал собственный голос, – вдруг сказал он, повернувшись к Давиду. – Представляешь? Это... это было очень давно. Я... я только что вспомнил. Когда ты сказал, что все началось с меня и эти вороны... это точно! Слышишь? Давид! Нам было... мы были в шестом классе! Я включил отцовский магнитофон, поставил бобину, я думал, что услышу его голос. Но вместо этого... я... этого не может быть... почему все это время... я только сейчас это вспомнил!

Давид внимательно слушал друга.

– Потому что... все началось с тебя. Это единственное, в чем он прав, – тихо сказал Давид. – А сейчас мы вернемся. И ты должен сделать вид, что поверил ему целиком и полностью. Справишься?

Виктор с минуту смотрел на друга.

– Не знаю. Но я постараюсь.

Глава 11

1941 год

Парни за столом, включая этого здоровяка по кличке Бугор явно побаивались Червякова, хотя выглядели и старше, и куда опаснее ее одноклассника. Лиза почувствовала легкое головокружение. Она совсем не пила и не собиралась этого делать. Как-то ради интереса она, удостоверившись, что родители уже спят, опрокинула рюмку, из которой пил отец, отмечая священный для него праздник – 7 ноября, День Октябрьской революции. Рюмка была пуста, но все-таки на дне оставалась одна единственная капелька прозрачной жидкости, действие которой она наблюдала в основном по праздникам и выходным, хотя случалось, отец наливал себе и среди недели, «для здоровья», – как он говорил.

Зелье действовало на него, можно сказать, положительно – он краснел, добрел и пускался в длительные объяснения роли пролетариата в современном мире, в конце концов приходя к одному – американскому империализму остались считанные дни. Только в такие моменты она могла ожидать от него хоть какую-то похвалу. Неуклюжую, с обязательной подковыркой, дабы принизить ее заслугу, но все же. Уж лучше такую, чем... Он мог внезапно вспомнить, что среди недели она получила пятерку (хотя и не твердую, замечал он), однако тем не менее, это была пятерка, и что особенно важно – по истории, которую он считал самым важным предметом в школе.

– Помни, Лиза, – говорил он громко, чуть ли не крича, – история учит, что всюду, где слабые и невежественные люди обладали чем-либо, что хотели иметь люди сильные и образованные, первые всегда уступали это по доброй воле. Поэтому ты должна быть сильной. И умной. Чтобы тебе уступали по доброй воле! Иначе... – он наливал из бутылки в рюмку очередную порцию и махом выпивал, не закусывая. – ...иначе будешь всегда в проигрыше. Это не я сказал, ты не думай. Это Марк Твен. И я с ним полностью согласен!

Оглядываясь на приоткрытую дверь кухни, она сцедила капельку из рюмки себе на язык. Однако почти ничего, кроме щипнувшей легкой горечи, Лиза не ощутила. Она разочарованно посмотрела на пустую бутылку в мусорном ведре и решила, что отец либо притворяется, либо этой жидкости нужно выпить очень много.

Теперь же, сидя за столом в окружении незнакомых парней, она делала вид, что прикасается к рюмке губами. Знакомая горечь щипала язык, а запах вызывал рвотные позывы. Тем не менее, видимо, что-то в рот все же попало и спустя минут двадцать, во время которых парни усиленно допытывались у Червякова о подробностях добычи, она захмелела. Не сильно, самую малость, может быть, даже просто надышалась, но вдруг почувствовала себя свободнее. Будто бы оковы страха спали и когда ей, наконец, удалось вдохнуть полной грудью, тревога отступила, а по телу разлилось приятное блаженное спокойствие.

Нет, она по-прежнему побаивалась этих странноватых парней, одетых нарочито в простецкую одежду, их речь была странной, так не ругались даже хулиганы в школе, а Червяков отвечал им дерзко и с явной долей превосходства.

Наконец, она не выдержала и, повернувшись к однокласснику, шепнула ему:

– Костя, мне нужно...

Он глянул на нее осолопевшими глазами, словно не сразу понял, о чем речь. Потом одна рука потянулась, чтобы обнять ее за плечи, но Лиза стряхнула ее и сказала ему прямо на ухо:

– Мне нужно в туалет.

– А-а! – вырвалось у Червякова. – Шас... это мы... – он оглянулся. За столом осталось трое, парень, которому он порезал кадык, уполз чуть ранее под печь – оттуда раздавался его громкий храп. – Ша... Пойдем.

Он взял ее за руку. На этот раз Лиза не сопротивлялась.

– Куда? – покосился Бугор подозрительно, но без первоначальной агрессии. Он уже был изрядно пьян, впрочем, как и все они, кроме Лизы.

– В клозет. Надеюсь, ты не против? – заплетающимся языком сказал Червяков.

– Э... там... – промычал Бугор вдогонку, но Червяков уже вышел из-за стола и тянул Лизу к двери.

Он отодвинул щеколду, провернул ключ в замочной скважине и дверь отворилась. Снаружи пахнул свежий холодный воздух. Несмотря на то, что в доме было прохладно, Лиза жадно втянула его ноздрями. Вдали гроыхало.

– Удобрства на улице... это... тебе не как там...

– Где – как там? – автоматически спросила Лиза, оглядываясь. Домики чуть поодаль выглядели абсолютно мертвыми, брошенными. Заколоченные окна, в которых не видеть ни огонька, ни тени. Ничего.

– Там, откуда мы пришли. Из будущего.

Лиза слушала его бредни, не вникая в смысл и так же автоматически отвечала. Ее мысли были далеко. А еще она очень сильно хотела в туалет.

– А мы сейчас где тогда?

– Мы в прошлом, в таком, что никто из нас еще не родился и наши родители тоже, наверное, не родились. А может... – в его глазах мелькнул безумный огонек, который она периодически ловила в школе, когда сталкивалась с ним, – ...а может никогда и не родятся! – он вдруг засмеялся дерганым лающим смехом, будто гиена в африканской саванне в передаче Сенкевича и Лиза вздрогнула. – Если я... так захочу! Стоит мне захотеть, и они никогда не родятся!

Он уже напился и несет околесицу, – подумала Лиза. А еще она подумала, что на этот смех сейчас обязательно кто-то выйдет, увидит, что какие-то люди залезли на чужую дачу и непременно позвонит в милицию. Но никто не выходил. Не было ни единого признака, что здесь есть люди – кроме них самих.

Червяков достал папиросу и закурил. Потом махнул рукой левее дорожки, ведущей к калитке.

– Видишь, вон сарай в темноте возле забора. Тебе туда. Иди, я здесь подожду, неохота в грязь лезть.

Лиза опасливо глянула на едва выступающий из темноты остов туалета. Однако, делать было нечего. Спустившись по лестнице, она пошла по узкой скользкой тропке, виляющей среди грязных комьев земли. Пару раз едва не упав, она слышала позади пьяный смех. Наверное, это было действительно смешно – наблюдать, как человек пытается пройти среди ночи к туалету, балансируя словно эквилибрист в цирке. Когда она дошла, внутри нее кипело от негодования и стыда. Потянув дверь за ручку, Лиза не сразу смогла различить внутренности – там было слишком темно. Когда глаза привыкли к полутьме, она увидела посреди большую дыру и приступок. И больше ничего. Ни туалетной бумаги, ни сиденья... От поднимающихся зловоний ее перекосило.

– Давай-давай, – хохотнул Червяков. – Это страшно только первый раз.

Она вошла и закрыла за собой дверь, приметив справа между досок несколько истлевших газетных листиков.

Воцарилась крошечная тьма. Она боялась сделать шаг, чтобы не упасть в огромную дыру, замерев и чуть не плача от жалости к себе.

Ну ты и дура! – кричал внутренний голос. – Из-за твоей самонадеянности и спеси, мерзкой привычки ставить себя выше всех, мы тут с тобой погибнем. Провалимся в эту вонючую

дыру, и никто нас не найдет. Ни меня, ни тем более, тебя. Дура! Дура! Дура! Высокомерная выскочка, возомнила о себе невесть что, а теперь будешь сидеть над этой дырой под присмотром худшего ученика школы, который просто смеется над тобой, потому что смог обвести тебя вокруг пальца! А ты думала, ты его обхитришь? Признайся, ведь ты именно так думала? Что надеялась первой увидеть лагерь взрослых, и потом всем об этом рассказывать? Ведь тебе сразу было ясно, что Червякова после его выходки никто и ничем награждать не будет, его моментально отправят в детскую комнату милиции, а потом в интернат для преступников и больше вы никогда не увидите! А значит, все лавры можно приписать себе! Ты же так думала?!

Лиза похолодела. Она действительно так думала и всю дорогу посмеивалась над этим дурачком, хотя и понимала, что без его грубой силы будет сложнее. Да и страшно одной в лесу, тем более ночью.

Кое-как она нащупала края дыры, подошла ближе, дрожа всем телом, повернулась на сто восемьдесят градусов и только принялась садиться, как откуда-то сзади, будто бы из самой дыры, раздался тихий, едва слышный, но настойчивый твердый шепот.

– Лиза! Это я, не подавай виду, я тебя не вижу, но знаю, что ты внутри. Не бойся!

От страха она забыла вообще зачем сюда пришла и автоматически села над дырой, забыв спустить штаны.

– Кто – я? – чуть не плача прошептала она.

– Это я – Давид. Я шел за вами все это время. Потом прятался за домом. А когда увидел, что ты вышла, успел перебежать и спрятаться за туалетом. Ты меня слышишь?

– Да.

– Они ничего плохого тебе не сделали?

– Нет... – стуча зубами проговорила она.

– Сколько их там?

– Четверо. Четверо взрослых парней. Они называют Червякова кличкой... Черва и он... он знает их откуда-то. Они похожи на... – она хотела смягчить свою характеристику этих парней, назвать их просто хулиганами, но они были похожи на бандитов. Отъявленных бандитов с большой дороги. – Они похожи на бандитов. Как в фильме...

– Понятно. Ты нормально себя чувствуешь? Бежать сможешь?

Она задумалась. Не считая переполненного мочевого пузыря, с ней все было хорошо.

– Да, – ответила она. – Наверное, смогу.

– Червяков стоит на крыльце. Он курит. Я отвлеку его. И когда он побежит или пойдет в другую сторону, тебе нужно выйти оттуда, и обойти туалет. Потом мы побежим отсюда со всех ног. Пока он поймет в чем дело, мы уже будем далеко. Ты меня слышишь?

– Да.

Лиза лихорадочно обдумывала предложение Давида. То, что он был здесь, ее немного обнадежило. Вот только... она вспомнила взгляд Червякова. Если он достигнет их, пощады ждать не стоило. Он прибьет и Давида и ее.

Словно в подтверждение ее мыслей, раздался развязный окрик.

– Ну где ты там? Застряла что ли? Тебе помочь?

– Ответь ему! – шепнул Давид.

Лиза покачала головой.

– Сейчас... – чужим сорвавшимся голосом крикнула она. – Тут темно, ничего не видно.

– Ха-ха-ха! – засмеялся он в ответ. – В темноте, да не в обиде! Смотри в дыру не свались от напруги!

Она почувствовала, что больше не может терпеть, спустила штаны и с неимоверным облегчением опустошила мочевой пузырь.

Теперь можно бежать! – крикнул ей внутренний голос. – Соберись, другого шанса не будет!

Она поднялась, заправила кофту в спортивные штаны и, дрожа всем телом в продуваемом насквозь клозете, сказала:

– Давид, я не пойду.

Несколько секунд она слышала только его сопение. Зато внутренний голос сказал отчетливо и едко:

«Таких напыщенных дур я еще не встречал!»

– Если я сейчас убегу, они побегут за нами. Они... точно нас догонят. И потом убьют. – Она сказала это слово – «убьют» скорее для остротки. В глубине души она была абсолютно уверена, что парни не причинят ей вреда.

– Они нас не догонят, – настойчиво прошептал Давид. – Ты в большой опасности. Нет никаких взрослых. Никто нас здесь не ждет. Это другой... другой мир. Это не наше время, – он говорил это захлебываясь словами, а Лиза, прильнув к щелке между шершавых досок, наблюдала за Червяковым. Он докурил папиросу, щелчком пальцев стрельнул тлеющий бычок метров на пять, потянулся и вновь позвал:

– Эй, да сколько ждать можно! Я уже замерз, вылезай быстро, не то придется тебе помочь!

Но помогать ему не хотелось. Тропинка, ведущая к туалету, была слишком грязная и скользкая.

– Бежим, Лиза! На раз-два-три!

– Нет! – твердо сказала она. – Уходи, Давид. Я останусь с Костей. – Она сама не верила, тому, что вырывалось из ее рта, словно какие-то чары сковали ее сознание, подавив первобытный инстинкт самосохранения.

– Он не тот, за кого себя выдает! – шепот Давида того и гляди мог сорваться и привлечь внимание Червякова. – Ты в смертельной опасности! Смотри, смотри что я нашел в сарае, пока ждал тебя!

Лиза обернулась. В щелку просунулся лист бумаги. Она подумала и взяла его.

– Ну все, я иду! Ты доигралась!

Лиза резко прильнула к щелке. Червяков начал спускаться по ступеням.

Она судорожно взглянула на листок, но в темноте было практически невозможно разобрать, что на нем написано.

– Я ничего не вижу.

Под ногами Червякова захлюпала грязь.

– Давид, я ничего не вижу. Он идет. Убегай!

– Надеюсь, ты не провалилась в эту вонючую дыру, потому что у меня нет никакого желания лезть туда за тобой! – рявкнул Червяков и тут же, поскользнувшись, громко чертыхнулся.

Ни жива, ни мертва, она опустилась над дырой и замерла, закрыв глаза.

Позади раздалось шуршание, затем послышались едва различимые звуки удаляющихся шагов и в этот момент дверца туалета распахнулась.

Она приоткрыла глаза – здоровенная тень нависала в каком-то метре.

– Фу-ух, ну и вонища. Я думал, ты это... убежала, если честно.

Лиза отрицательно покачала головой.

– Жи... вот что-то болит...

Червяков замер, будто что-то почуяв. Лиза перестала дышать. Кажется, он прислушивался целую вечность, а когда вновь шевельнулся, она ощутила, что ноги так затекли, что она вряд ли сможет встать.

– Ты что ли бумагу тут нашла? – он кивнул на листок, который она держала в руке.

Ее прошиб холодный пот. Это был тот листик, который сунул в щелку Давид. Она забыла его спрятать, даже не посмотрев, что на нем написано.

– Да, там было... в стенке...

Он посмотрел на щель, из которой торчал обрывок газеты.

– Да тут все удобства! – расплылся он в ехидной улыбке. – Ладно... не буду мешать. Только пошевеливайся, я уже замерз как собака.

Лиза кивнула.

Он рывком закрыл дверь и внутри будто выключили свет. Послышались хлопающие удаляющиеся шаги.

С трудом Лиза поднялась на ноги и прижалась к деревянной двери. Сердце гулко колотилось. Почему... почему она не сказала, что эти хулиганы... эти бандиты готовят нападение? Почему? Забыла? Или... что-то другое? Может быть, она хотела, чтобы они тоже испытали этот страх, который испытала она? Может быть, она хочет отомстить за презрительные взгляды и обидное прозвище «заучка», которое слышала в школе почти ежедневно? Или ей двигал азарт – посмотреть, что будет дальше и как они выпутаются из этой ситуации? Какой бы ответ она не давала на свои вопросы – все они звучали слишком жестоко.

«Но ведь они это все заслужили, так ведь? – сказал внутренний голос. – Ты ведь так думаешь?»

– Да, – сказала она вслух и испугалась своего голоса. – Они это заслужили. Ничего с ними не случится. Маленький урок им совсем не помешает, даже если... – она задумалась над этим «если». Воображение тут же нарисовало трагическую картинку, как сбившиеся в кучку одноклассники слезно просят о пощаде нагрянувших внезапно хулиганов, но им невдомек, что она могла бы предупредить их, когда они направили за ней посыльного Давида. Только ему не удалось уговорить ее пойти назад. И не потому, что она такая вредная или упертая. А потому что у всего есть цена. Они выбрали самый простой вариант – отсидеться в доме, в безопасности, ожидая, пока их найдут взрослые. Она же пошла навстречу риску и как победитель имеет право казнить и миловать. При этих мыслях в животе у Лизы вспорхнули бабочки. Разумеется, судить может только самый умный, самый храбрый и самый... дерзкий. Разве не так?

Как там говорил отец? Вернее, Марк Твен – всюду, где слабые и люди обладали чем-либо, что хотели иметь люди сильные, первые всегда уступали это по доброй воле. Так-то.

Разумеется, никто всерьез их наказывать не будет, все эти пугалки Червякова теперь снова показались ей смешными и отчасти даже нелепыми. Хорохорится, – подумала она. А эти его друзья... Она никогда не видела, чтобы Червяков проводил время в компании одноклассников. Его часто можно было видеть с ребятами гораздо старше, даже с мужчинами за двадцать и тридцать лет – она все гадала, какие у него могут быть с ними общие интересы и ей это не давало покоя. Однажды она даже видела... как те парни, с которыми он тайком переговорил за школьной мусоркой – потом избили этого старшеклассника, у которого отец работал трудовиком. Кажется, Витькин дружан. Разумеется, она никому об этом не сказала. Теперь-то все встало на свои места. Это его друзья. Такие же дерзкие, нагловатые, явно смелее, чем ее одноклассники. И даже если они решат... туда пойти, напугать и даже... как они сказали, взять эти вещи... они же не всерьез, посмотрят и вернут. Но в случае чего, она, конечно же, поговорит с Червяковым, и он согласится с ее мнением, чтобы не перегнуть палку. Не станут они сильно их пугать. Нужно будет сразу его предупредить. Мало ли что.

Она вдруг беспомощно оглянулась. Пораженная своим мыслям, она оказалась словно застигнута врасплох, поймана с поличным. Лиза открыла рот, будто рыба, выброшенная на берег и, дрожа всем телом, тихонько, почти неразличимым в свисте ветра голосом позвала:

– Давид... Давид... ты еще здесь? Давид, пожалуйста...

Ей никто не ответил.

Нет. Она должна быть сильной. Ни к чему эти нюни. Разве не так постоянно говорил отец? Соберись! Не будь тряпкой! Корнилова по математике получила пятерку, а ты четверку. Если такое еще раз повторится в этой четверти... – в его глазах, налившись яростью и гневом, словно у быка перед мулетой – красным полотнищем в руках матадора, плясали злове-

щие огоньки. Он показывал на стену, где с длинного гвоздя свисала нагайка, переплетенная кожаная плеть. Еще один раз!

«Этого больше не повторится, папа», – шептала Лиза, всеми силами стараясь не пролить ни единой слезинки.

«Смотри у меня, бестолочь!»

Она вздрогнула, ей показалось, что это не Давид, а отец стоял позади туалета и испытывал ее на прочность.

Дыхание перехватило и она, толкнув дверь, буквально вывалилась наружу. В лицо ударил холодный ветер, растрепал волосы и мгновенно привел ее в чувство. Она оглянулась. Ни рядом, ни позади деревянного строения никого не было видно. Кривая дверца болталась на скрипучих петлях. Лиза сделала шаг назад и закрыла ее. Потом посмотрела на листок, который до сих пор сжимала в руках и сунула его в карман куртки. Потом пригодится, если еще раз придется идти сюда, – решила она.

– Наконец-то! – раздался голос Червякова. – Я уже околел!

Она подошла ближе. Он внимательно посмотрел на нее, пробуравил пронизывающим взглядом и ей показалось вдруг, что он совершенно трезв. Как стеклышко. Но в то же мгновение он нелепо взмахнул руками, едва не оступился на скользкой ступеньке и, покачиваясь, схватился за ручку двери.

– А нам все равно, а нам все равно, станем мы храбреей и отважней льва... – запел он пьяным голосом, и Лиза подумала, что он такой же обыкновенный, как и все. Только немного старше. И наглее. А значит, бояться совсем нечего.

Она шагнула вслед за ним внутрь дома.

Глава 12

1941 год

Негромкий, царапающий звук заставил Витю оглянуться как раз в тот момент, когда он закрывал крышку ящика, собираясь спуститься вниз, в подпол, где уже были навалены кучи тряпья, старый топчан, погрызенный мышами, полушубок со свалывшейся шерстью, в которой застряли засохшие листья травы, охапка благоухающего сена из кладовки и даже тканый коврик, что лежал у входной двери.

Они уже спустили вниз несколько стульев, чтобы не сидеть на холодном полу и нагретый самовар – теплая вода в нем будет до самого утра.

Первой мыслью было захлопнуть крышку, юркнуть вниз и затаиться. Сердце его забилося. Ноги стали ватными. Он испугался, что ступит мимо лестницы и рухнет вниз, чем выдаст их тайное убежище. Вообще-то последней спускалась Катя, но потом Витя вдруг вспомнил, что впопыхах забыл свою спортивную сумку, в которой, впрочем, ничего кроме китайского термоса и крошек от печенья не было. Но даже это не хотелось оставлять наверху и Вите пришлось подняться, чтобы забрать вещи. Как раз в этот момент и послышались странные звуки.

Звук повторился отчетливее, потом его сменил какой-то робкий стук. Раз-два-раз-два-три. Раз-два-раз-два-три. Витя вдруг вспомнил, что именно так Давид стучал по подлокотнику кресла Икаруса, когда они подъезжали к воинской части и этот стук его здорово раздражал, он даже хотел сказать другу, чтобы тот перестал, но не успел – автобус затормозил у ворот и вся толпа ринулась на выход.

Это Давид, – мелькнуло в голове. Бросив сумку вниз, он тихо сказал, глядя на едва заметные лица ребят:

- Кажется, там Давид стучит. Я пойду посмотрю.
- Не открывай! – тут же шикнула Катя.
- Это точно Давид. Он так стучит.

Витя перелез через высокий бортик сундука и направился к двери. Катя вмиг, словно кошка взлетела наверх и оказалась рядом. Они подкрались к двери и прислушались.

Катя сощурилась и ладонями поелозила возле ушей, мол, ты не ослышался?

Витя замотал головой.

И тут же, буквально в нескольких сантиметрах, за деревянной дверью вновь заскребли.

– Это я, Давид! – послышался тихий шепот. – Откройте, я сильно замерз.

Они переглянулись. Девушка ловким движением отодвинула засов, затем провернула ключ. Витя надавил на ручку и дверь открылась.

Снаружи и правда стоял Давид. Он трясся так, словно только что искупался в проруби, хотя был абсолютно сухой. Его синяя спортивная шапочка-петушок с помпоном съехала на лоб, из под нее торчали взъерошенные волосы.

– Давид! – Витя поймал друга, который буквально упал ему на руки. Он был невероятно холодным, просто задубевшим. Витя невольно подумал, что люди настолько холодными не бывают, но тут же вспомнил Лену, чью ледяную руку он сжимал, когда они шли по ручью. Но Давид, кажется, был и вовсе отрицательной температуры. Он даже говорить не мог, только мычал что-то нечленораздельное и медленно вращал головой, словно она была на старом заржавевшем шарнире. Его глаза выкатились и застыли как у свежемороженой рыбы в холодильной прилавке универсама.

Катя сориентировалась быстро.

– Давай его к печке, – скомандовала она. – Она еще теплая. А я спущусь вниз и принесу горячей воды.

Витя подвел друга к печи, взял его руки и приложил к теплой поверхности. Потом осторожно расстегнул куцую трикотажную курточку на молнии.

– Давай, прислонись к ней грудью! Сейчас оклемаешься! Вот же... черт... где же тебя носило?

Давид с трудом понял, что показывает ему Витя и припал к печке. Он долго стоял, прижимаясь к ней грудью, потом повернулся спиной. Бледное, без единой кровинки лицо, начало приобретать человеческий, живой оттенок.

– Нн... он... она н...не пошла с...со мной, – сказал он трудом, когда дар речи к нему постепенно начал возвращаться. – Ос...осталась с...с... с ним.

– Держи... пей осторожно, горячее! – Катя подала ему чашку, из которой шел пар. На дне плавало несколько чаинок.

Давид с благодарностью посмотрел ей в глаза.

– С...спасибо.

– Пей, пей, – проговорила она, поглядывая на дверь.

– А... г...где все? – спросил Давид, оглядывая комнату, которая казалась теперь совсем пустой – без ковриков, подстилок и сползающих с печи одеял.

Катя кивнула на сундук.

– Мы прячемся в подполье. Так надо, долгая история. Грейся, потом расскажем, что случилось.

Давид замотал головой.

– Н...нельзя тут оставаться! Ни в коем случае!

– Это почему? – вырвалось у Вити.

– Нам некуда больше идти, – сказала Катя. – По крайней мере прямо сейчас. В лесу фрицы. И они нас ищут.

– Фрицы? – глаза Давида расширились, но, кажется, он был совсем не удивлен.

– Они уже в моей деревне, – Катя покачала головой. – Мы хотели переждать там, потому что этот дом полуразрушен. Но оказалось, поздно.

– Мы у них кое-что сперли! Что-то очень важное! – возбужденно прошептал Витя.

– Тушенку, – улыбнулась Катя.

– И еще кое-что.

– И еще кое-что, – согласилась она.

Давид отступил от печи. Он еще дрожал, но ему было гораздо лучше.

– Давай спустимся вниз, и там решим, что делать. Идти прямо сейчас никуда нельзя. Нас ищут с собаками.

– Тогда идем, – сказал Давид, прислушиваясь к вою ветра за окном. Разбитое стекло в окне кое-как заткнули старой ветошью, благо снаружи окна закрывались ставнями.

Они еще раз осмотрели дом, чтобы не оставить никаких следов своего пребывания, а затем по очереди спустились вниз.

Катя была последней. Она закрыла крышку сундука, пролезла в люк, накидала сверху грязных вещей – так чтобы люк полностью стал незаметным и только потом, сделав пару шагов по лестнице, закрыла его над головой.

– Ну вот, – сказала она. – Лучше, чем ничего. С внутренней стороны крышки был небольшой засов, и она тут же задвинула его.

В центре подвала на небольшом ящике горела свеча, ее скудного пламени не хватало даже на то, чтобы осветить лица школьников, поэтому Давид не сразу всех заметил.

– Давид! – обрадовалась Лена, быстро подошла и обняла его. – Слава Богу, ты жив. Мы уже думали...

– Ничего мы не думали, – уверенным баском заявил Петя. – Ну... в смысле, не думали, что с тобой случится что-то плохое. Но вообще, немного волновались, да, – он похлопал Давида по плечу.

Денис, глядя на Давида, слегка улыбнулся, но это была вымученная улыбка – он жутко хотел узнать, что случилось с Лизой и судя по тому, что Давид вернулся один – ничего хорошего его рассказ не сулил.

Насчет Червякова никто даже не заикнулся.

– Ну рассказывай, – Витя пододвинул небольшой стульчик другу. Давид уселся, протянул ладони к свече и тени его пальцев заплясали по стенам подполья.

– У меня такое чувство, – сказал он, задумавшись, – что Червяков точно знал, куда идет. Он ни разу не сбился, не свернул в другую сторону, чтобы потом возвратиться, не плутал и, кажется, вообще по сторонам не смотрел, хотя в лесу сейчас глаз выколи. Он шел прямо к своей цели.

– Какой еще цели? – вскинул голову Денис.

Лицо Давида в пламени свечи выглядело серьезным и даже пугающим. Тонкие губы, высокий лоб, прямой нос и темные выющиеся волосы – он был похож на какого-то древнегреческого философа, как их изображали в учебниках по истории древнего мира...

– Сначала они шли по дороге, что начинается сразу за домом и заворачивает в лес. Дорога эта в конце концов выходит на грунтовку, довольно широкую. Я шел за ними в приличном отдалении – боялся, что Червяков меня заметит. Поэтому иногда терял их из виду и приходилось нагонять. На дороге было вообще опасно – там почти негде спрятаться, так что я ложился на землю, когда он поворачивался. Но это случалось не часто. Один или два раза. По пути я дорогу пару раз перегораживали эти штуки... как в кино про войну... Противотанковые ежи. Лиза, кажется, даже споткнулась о колючую проволоку, натянутую между ними... А потом за поворотом показался шлагбаум и там стояли двое военных с оружием.

– И ты не подбежал к ним?! – вырвалось у Пети.

– Нет, – сухо ответил Давид. – Знаешь почему? Потому что, во-первых, Червяков с Лизой снова свернули в лес и мне нужно было спешить за ними. А во-вторых... у этих военных... вместо нормальных автоматов Калашникова были... винтовки. Винтовки, Петя! Ты же смотришь в воскресенье по утрам «Служу Советскому Союзу»?

– Ну... да... – непонимающе ответил Петя.

– И что? Когда ты видел последний раз наших солдат с винтовками?

Петя покачал головой.

– Никогда.

– То-то и оно.

– Я думал... все-таки, что... это...

– Это не розыгрыш, Петя. Все по-настоящему. Не знаю как, я никогда даже не читал о таком... может быть... кто-то из нас потом напишет о нашем приключении, только я не знаю, кто в это поверит... в общем, я опять побежал в лес, едва нагнал Лизу с этим... Червяковым. Они шли еще довольно долго, но вскоре показался такой, типа дачный поселок или деревня, и Червяков постучал в крайний дом. Дверь открылась, я увидел там парня, он явно уже не школьник, хотя в темноте трудно разглядеть. Этот парень сильно испугался, когда увидел Червякова, это точно. А тот пнул дверь ногой и вошел туда как к себе домой.

– И... что... Лиза даже не сопротивлялась? – несмело спросил Денис, потупив взгляд.

– Она точно... сопротивлялась. В лесу, на подступах к дороге проезжал грузовик, и Червяков повалил ее, мне показалось, что она хотела побежать, чтобы...

– ...все рассказать, она думала, там взрослые... – сказала Лена.

– Да. Но он прижал ее к земле и не дал подняться. Силы были неравны.

– Он хоть и худой, но очень жилистый. Видели, как он на физре солнышко крутил? – сказал Петя. – Я думал, у него руки оторвутся.

– Во-во, – сказал Давид. – Она бы с ним не справилась.

– Ну и чего ты не помог девушке? – вмешалась в разговор Катя. – Если честно, мне этот ваш хмырь тоже не понравился. – Такое ощущение, что я даже его где-то видела и связано это с чем-то... не очень хорошим. Только не могу вспомнить, где... У нас в деревне-то и хулиганов особо не было. Одного, Пашку Верхоглядова забрали в колонию три года назад, он разбоями занимался и даже в какой-то банде состоял... – она наморщила лоб. – А вот этого вашего... видела, но хоть убей...

– Да как ты могла его видеть?! – вспыхнул Петя, тебе же уже сто раз сказано, мы вообще не отсюда. Ты же сама видишь, в какой мы одежде. И вообще.

– Тоже мне невидаль – эта ваша одежда. Почему вы, городские, всегда хвастаетесь одеждой? Больше, что ли нечем? – Катя сказала это беззлобно, но Петя демонстративно отвернулся.

– Ну вот, обиделся еще. Значит, правду говорю.

– Ничего я не обиделся.

– А то, что вы из другой... ну может и из другой. Только что теперь? Даже если вы вообще из этой... как ее... Новой Зеландии... разве это нам поможет?

И правда, подумал Витя... несмотря на все те знания, которыми они вроде как обладали, вряд ли что-то помогло бы им выжить именно сейчас.

Давид поднял руку и голоса стихли.

– В общем, я долго просидел там в лощине, потом через час или полтора дверь наконец открылась и на крыльца вышла Лиза, а за ней Червяков. Он закурил и показал ей на туалет возле ограды, туда она и направилась. Я успел спрятаться позади.

– Ты с ней говорил? – Денис чуть ли не умоляюще посмотрел на Давида.

– Да. Когда она зашла внутрь, я спросил, не трогал ли ее Червяков и все ли с ней нормально. Она сказала, да, все хорошо. Тогда я сказал, что смогу отвлечь Червякова и ей нужно будет отбежать в лес и там мы уже вместе доберемся до нашего дома...

Воцарилось молчание.

– И что она... ответила?

– Она сказала нет. Отказалась. Мол, Червяков и те ребята, их там, кстати, четверо в доме, нас догонят и убьют. Но мне показалось... – он посмотрел на Дениса, – ...показалось, что она... в общем, есть такое, будто бы жертва начинает испытывать к преступнику жалость и все такое. Покрывает и помогает ему. Это не значит, что она на его стороне... просто такая психология... жертвы. Людям в минуты отчаяния кажется, что если они будут потакать, то преступник проявит к ним милосердие, будет добрее, что ли с ними. Это я к тому, чтобы ты не расстраивался... – Давид в упор посмотрел на Дениса. Тот опустил голову. В уцелевшей линзе на его очках плясало пламя свечи, а в углу второго глаза застыла слезинка.

– Все нормально... просто... я переживаю за нее.

Витя положил руку на плечо друга.

– Все обойдется, я уверен. Она вернется.

– Но... она не сказала мне самого главного. – Давид покачал головой. – Я сидел с боковой стороны дома, подобрался совсем близко, под самые окна и слышал их разговор. – Они обсуждали... – он замер, оглядел друзей и сказал: – как на нас напасть и забрать некоторые вещи, которые наверняка понравятся этим бандитам. Она не сказала мне об этом, хотя могла предупредить. Просто намекнуть. Может быть, была в шоке и забыла...

Денис судорожно вздохнул.

– Какие вещи? – встрепенулся Петя.

– Да все, что может им приглянуться в сорок первом году. Сами подумайте. Петькин приемник. Фотоаппарат Вити. Электронные часы. Это же все для них несметные... сокровища. Можно продать за огромные деньги.

– Почему же она тебе не сказала?.. – дрожащим голосом спросила Лена.

– Не знаю... даже когда я... – Давид вдруг спохватился, поднялся со стула, похлопал себя по карманам, потом засунул руку под свитер и вытянул сложенный вчетверо, изрядно помятый листок серого цвета. – Я нашел это в сарае, не знаю, что они там делали, штук двадцать таких листовок. Может быть, их нужно было наклеить на видных местах, да кто-то не сделал свою работу.

Витя взял листовку, осторожно развернул ее. Сверху крупными буквами виднелась выцветшая надпись: «Внимание, розыск». Дальше, под заголовком шел текст: «За совершенные тяжких и особо тяжких преступлений и побег из колонии для малолетних преступников разыскивается гр. Н. На вид 15-16 лет, но может выглядеть моложе. Стрижка короткая ежик, лицо вытянутое, лошадиное, левый глаз имеет шрам с наружной стороны, из-за чего кажется меньше правого. Других особых примет не имеется. При задержании может оказать сопротивление. Хитер, умен и изворотлив. Обладает знаниями лженаук, которыми щеголяет и может произвести впечатление. Может притворяться дебильным или юродивым, умственно отсталым, отлично знает психологию и слабые места людей. Способен на особую жестокость и цинизм. Физически очень силен. Место жительства неизвестно».

Витя прочитал текст вслух. В самом конце его голос отчетливо дрожал. Потом его взгляд переместился ниже, где располагался нарисованный от руки портрет преступника. По животу разлилась неприятная, покалывающая боль. С бумаги на них смотрел Червяков. Слегка другой, еще более худой, с коротким ежиком вместо длинных волос «под хиппи», но, без сомнения, это был он.

– Теперь я вспомнила, где его видела. На нашем сельпо года три назад висела точно такая же листовка. Поэтому я сразу и не вспомнила, давно дело было, выветрилось из головы. Но это точно он. Только волосы у вашего сейчас длинные, как у Робинзона Крузо на необитаемом острове. В наших краях так никто не стрижется.

– А у нас хулиганы и хиппи так ходят, – сказал Денис и быстро посмотрел на Катю.

– Хиппи? Это что еще такое? Никогда не слышала...

– Это... – Денис покачал головой.

– Это еще не скоро будет... – сказал Петя.

– Патлатые, в грязных джинсах, бренчат в подъездах и парках на гитаре и пьют вино. Но они не опасные... даже наоборот... – Лена взяла у Дениса пожелтевший листок и всмотрелась в корявый портрет, – ...в отличие от этого. Она прочитала текст над изображением и ее перевернуло. – А что значит «особо тяжкие преступления»?

– Убийства, – хмуро ответил Витя. – И еще, что похуже.

– Похуже? – Лена затряслась от страха. – Что же может быть хуже?

Петя забрал у нее листовку.

– Когда он пришел к нам в класс, я сразу подумал, что с ним что-то не так. Но директриса так его представляла, помните? Нужно дать шанс, встал на путь исправления, подтянуть, трудные условия... помню даже прослезился. Да и он выглядел как побитая собака. Эти штаны по щиколотку, драные кеды на босу ногу... помните, как девчонки стали бегать за ним, чтобы помочь?

– Это потому, что вместо второго года его хотели сразу отправить назад, в спецшколу, откуда он и пришел. Так он притворился пайнкой. Забыли, как дрожал его голос у доски, когда он рассказывал, почему ему не дается учеба и что зверски замученные и выпотрошенные кошки на мусорке за школой – это клевета и навет. Хотя я слышал, как старшеклассники в туалете шептались, что такого еще никогда не видели. Но рассказать директору никто не решился.

Один вроде как даже случайно видел это все. Пацаны говорили, что этот... ну... твой друг, за которого ты заступился... он видел все это, – Давид пожал плечами.

Витя похолодел.

«Так вот за что его били! – подумал он. – Чтобы он не дай бог не пошел и не рассказал все отцу или директору... тогда все сходится...»

– Может быть... он видел еще что-нибудь... кроме кошек...

Почти вся школа в прошлом году говорила о зверски замученных животных, найденных дворником на школьной мусорке. Приехала милиция и даже выдавшие виды опера качали головами. Однако найти виновного не удалось, а потом на районе начались и вовсе ужасающие события и кошки как-то забылись.

– Может быть, это просто похожий на него подросток? – покачала головой Лена. – Бывают же совпадения, даже близнецы на разных сторонах планеты обнаруживаются...

– Это он, – твердо ответила Катя. – Видите, левый глаз будто бы слегка прикрыт и там небольшой шрам, – она показала на портрет. – У вашего точно такой же глаз, будто бы подбитый.

– Точно, – ахнул Петя. – Я сразу-то и не заметил. Он хвастался, что получил ранение в драке. Но мы то все знали, что его цапнула та кошка с мусорки. Оставила отметину.

В подвале повисла тишина.

– Как это может быть? – первым спросил Витя.

– Но ведь мы здесь... – ответил ему Давид. – Значит, все-таки может.

– Если все что ты рассказал – правда, нам нельзя тут оставаться. Они могут нагрянуть уже сегодня ночью, – сказала Катя.

– И какие будут предложения? – Петя с сомнением посмотрел на крышку люка, отрезавшую их от внешнего мира.

– Вариантов немного. Точнее – один единственный. Мы идем в Москву.

Глава 13

1984 год

– Школу атакуют родители, по крайней мере, человек пятнадцать взломали калитку, проникли внутрь и пытаются выяснить, почему их дети до сих пор не вернулись домой, – прошелестел бесцветным голосом водитель черной Волги. – Они вызывали милицию, но с этим мы и сами справимся. А вот с родителями... вряд ли.

Белов посмотрел на шофера, будто бы тот подсунул ему гадюку на сиденье.

– На что вы намекаете?

– Я ни на что не намекаю, но на данный момент в операцию посвящен строго ограниченный круг людей. Вы среди них и на данный момент именно вы ближе всех находитесь. К тому же обладаете всей полнотой информации.

«Ой ли, – подумал Белов. – Хоть мне ты мог бы не свистеть про полноту...»

– Поэтому оперштаб принял решение направить вас в школу, чтобы урегулировать ситуацию. Родителей нужно успокоить и отправить по домам.

Иван Белов почувствовал, как в глубине души разгорается если не пламя, то уж приличный огонь возмущения – точно.

– Успокоить? И что я им скажу, по-вашему? – он покачал головой, когда черная «Волга», взвизгнув новенькой резиной, отъехала от комиссионки, директора которого опрашивал Белов.

«Магнитофон... – пронеслось в голове. – Как его найти?»

– Что вы сказали? – спросил водитель, взглядываясь в пустынную, покрытую туманной изморосью улицу.

– Я ничего не сказал. Я спросил, что по мнению оперштаба я должен сообщить родителям? Дети задерживаются? Сломался автобус? Или им так понравилась игра, что они решили остаться еще на пару дней? – злорадным тоном спросил Белов.

– Вы опытный оперативный работник. Иначе бы вас тут не было. Сейчас сложная ситуация, в которой главное – не допустить паники. Руководство всецело полагается на вас, Иван Алексеевич. Дело... – шофер резко вывернул руль, чтобы объехать яму, вырытую дорожными рабочими, – ...дело государственной важности, – закончил он плотно сжатыми губами. – Надеюсь, вы меня понимаете.

Белов крепко сжал зубы.

«Они решили скрывать до-последнего... – подумал он. – Что ж...» Он вновь подумал о той видеозаписи, которую отправил самому себе с Главпочтамта. Рано или поздно, они до нее доберутся. Если, конечно, не забудут в суматохе и не произойдет чего-то экстраординарного. Например, школьники все-таки найдутся, во что лично Белов с каждой секундой верил все меньше, и дело будет закрыто и, разумеется, строго засекречено.

Однако, как человек, не первый год работавший в органах, он прекрасно понимал, что успокоить родителей нужно. Иначе паника, как снежный ком, как тротиловый заряд – быстрее света распространится по всей столице и если не принять мер, то и по всему Союзу. Дело трех-четырёх дней. Разумеется, таким событием воспользуются многочисленные недруги СССР, с тем чтобы побольнее уколоть страну, извратив суть события до неузнаваемости – это, во-первых, а во-вторых, что еще более важно, попытаться отыскать истинные причины исчезновения большой группы школьников буквально в черте столицы. Научные эксперименты, проводимые Советами? Взрыв? Не дай бог, захват заложников? Версии начнут множиться одна другой краше и опаснее. Допустить этого было никак нельзя.

– Мне понадобится прямая линия с воинской частью, командованием и оперштабом. Пока я буду говорить с родителями, пусть срочно организуют несколько школьников, которые без паники, твердо и четко скажут, что с ними все хорошо, они накормлены, напоены и сами попросили продлить им игру, а в данный момент опробуют солдатский быт в новых казармах. Руководство части пошло им навстречу. Генерал Артемьев лично должен будет сказать кому-нибудь из родителей, что в качестве исключения он приказал продлить «Зарницу» до утра. Городской отдел народного образования пошел навстречу и ввиду важности события сделал понедельник для принимающих участие в игре школьников выходным днем, официально освободив их от занятий.

Шофер повернул к школе, посмотрел на Белова и молча кивнул.

– Будет сделано.

В темноте Белов заметил, как к школе идут люди – по одному, по двое – а на ступенях центрального входа, освещаемого слабой лампочкой, столпилось человек пятнадцать. При виде этой картины у него засосало под ложечкой. Он привык иметь дело с преступниками, рецидивистами, ворами и хулиганами, но... чтобы убеждать толпу родителей, которые ни живы, ни мертвы от страха за своих детей – такое было впервые.

У школьных ворот «Волга» резко затормозила.

– Справитесь? – сухо спросил комитетчик.

Белов ничего не ответил и кивнул на трубку радиотелефона.

– Главное, чтобы вы справились. И постарайтесь побыстрее. Долго я их удерживать не смогу.

Белов похлопал себя по карману, пачка сигарет была на месте. Несмотря на то, что ему предстояла встреча далеко не с опасными преступниками, он заметно нервничал. Выудив двумя пальцами сигарету, он сунул ее в уголок рта и распахнул дверь автомобиля.

Несмотря на то, что он был здесь всего несколько часов назад, у него возникло странное и не самое приятное ощущение, что с тех прошло много-много лет. Белов поспешил закурить. Втянув терпкий дым, мужчина шагнул вперед и обнаружил, что калитка, прежде закрытая, теперь распахнута настежь, а замок болтается на сломанной дужке.

Когда он поравнялся с ней, навстречу прошмыгнул мужчина в сером плаще и такой же невзрачной кепке. Белов успел подумать, что одним меньше, легче будет беседовать и убежать, как два метра спустя шлейф кислого амбре заставил его обернуться, но мужчина успел юркнуть в кусты и скрыться в темноте.

На подходе Белов услышал возбужденные громкие голоса.

– Где же милиция? Вы же сказали, что дозвонились дежурному!

– Да, я дозвонился, они выехали.

– Так, где же они? Уже полчаса прошло!

– Наверное... едут.

– Позвоните еще раз!

Другой, еще более нервный женский голос чуть ли не кричал:

– Почему до сих пор нет директора? Как стены красить, так она сразу тут как тут, родители помогите! А чуть дело запахло...

– Ничего не запахло! Я уверен, все хорошо, не нагнетайте!

– Вы мне рот не затыкайте!

– Я вообще на вас не смотрю!

Белов затушил сигарету в мусорном ведре и вошел внутрь.

Когда он оказался в холле, как-то сразу наступила тишина, будто бы все эти взрослые люди, стоящие небольшими группами вдоль стен, моментально поняли, кто он такой и зачем явился, хотя на вид его вряд ли можно было отличить от самих родителей.

«Только бы комитетчик успел все сделать, – подумал он, стараясь унять биение сердца. – Да и курить надо бросать...»

– Здравствуйте, товарищи родители, – сказал Белов чуть хриловатым голосом. Он выпрямился, обвел взглядом просторный холл, наткнулся на стенгазету со звездой, которую рассматривал толстяк в коротком смешном пальто и повернулся в сторону приемной. Оттуда, как по команде начали выходить люди, – еще в кабинете они что-то говорили, но увидев мужчину с военной выправкой, стоявшего посреди холла, сразу замолкали. Их раздраженные и тревожные лица застывали, вытягивались и становились похожи на восковые маски. Он дождался, пока движение прекратится и встревоженные голоса утихнут и вновь заговорил: – Прошу минуту внимания. У меня для вас есть важное сообщение, касающееся школьников, участвующих в Зарнице.

Глава 14

1941 год

Шаров брел вперед словно во сне. Он с трудом пересек Большую Черкизовскую – поток людей, уходящих на восток, казался бесконечным. Людское море колыхалось, волновалось, вздрагивало и угрюмо двигалось вперед. Периодически от него откалывались одиночки или группы людей, останавливались в изнеможении у обочины, садились прямо на землю или на свою поклажу, огромные тюки и перевязанные коробки, тюки и сумки, если они были, и пустыми взглядами провожали толпу, рядом с которой то и дело проносились навьюченные словно верблюды автомобили. Толпа шумно вздыхала, слышались гневные возгласы, иной раз чья-то палка дотягивалась до железного корпуса, но автомобиль, натужно пыхтя выхлопной трубой, проскакивал мимо, а вслед ему неслись усталые проклятья.

Шаров наступил кому-то на ногу, потом наступили ему, толкнули и он оказался на другой стороне. Городом тут и не пахло, друг к другу теснились темные, вросшие в землю лачуги – местность стала чужой и неузнаваемой, хотя он очень старался уловить в окружающем пространстве знакомые очертания.

«Первомайская, 9», – вспомнил он адрес, который назвал ему тренер, и тут же понял, что идет в другую сторону. Нужно было вернуться назад и вместе с толпой дойти до Щелковского шоссе, потом свернуть направо и там уже искать.

Шаров с трудом заставил себя развернуться. На него вдруг разом навалились усталость, чувство голода и какая-то обреченность, а все происходящее стало казаться жутким сном накануне важного забега – такое с ним случилось и раньше, он редко запоминал эти сны, поутру испытывая лишь чувство огромного облегчения, что все оказалось миражом.

Вот и теперь, разглядывая с расстояния пятидесяти метров реку угрюмых людей, он потянулся к бедру, с силой ущипнул себя, потом еще и еще раз – замёрзшая нога почти не ощущала боли, и он чуть было не обрадовался, что это все-таки сон, и с силой прикусил язык – чтобы уж наверняка.

Резкая боль пронзила мозг, на глаза навернулись слезы. Он согнулся в три погибели, голова сильно закружилась. Новые кроссовки «Адидас» стали грязно-черного цвета и теперь вряд ли здесь кого-то могли удивить.

– Дядя, с тобой все нормально? – кто-то осторожно тронул его за руку.

Шаров с трудом разогнулся. Рядом стоял мальчик лет десяти, чуть младше его школьников. Он был одет в драное пальтишко и чумазую, сползшую набекрень шапку. Лицо перепачкано сажей и только ясные голубые глаза смотрели с любопытством и настороженностью.

– Да... – хрипло сказал Шаров. – Почти... мне бы попить... – пересохший язык еле ворочался. В голове плыл ядовитый туман. Он понял, что с трудом соображает.

Мальчик обернулся на толпу.

– Вы с ними что ли идете? Убегаете?

Шаров покачал головой.

– Нет, я... со стадиона...

– Сталина? – удивился паренек.

– Ага.

– А что вы там делали? Там же никого нет... Ой... – опомнился он. – Сейчас принесу воды...

Парень стремглав юркнул за невысокий забор, обогнул покосившийся домишко и пропал в сухих зарослях.

Шаров подумал, что тот просто сбежал, но минуты через три он услышал чавканье грязи и мальчик появился вновь. В руках он держал алюминиевый бидон.

– Вот... только понемногу... очень холодная, из колодца. Мамку будить на стал, она только что со смены пришла, – виновато сказал он. – Патроны делает для советской армии. Я бы тоже делал, но меня не берут. Сказали, что еще мелкий.

Шаров сделал длинный глоток. Вода была обжигающе холодной. У него свело скулы, а в затылке запульсировали вспышки боли.

– Ничего... еще успеешь...

– Да когда я успею... война на днях закончится... – пожал плечами мальчик. – Слышите, как наши зенитчики их бьют! – он обернулся и показал на далекие вспышки, мерцающие где-то на линии горизонта.

Шаров покачал головой.

– А... ну да... бьют... но все равно, не спеши.

– А что вы на стадионе делали?

Шаров подумал, что врать в его положении бессмысленно, к тому же мальчик явно не представлял никакой угрозы.

– Тренировался.

Брови парнишки взлетели.

– Правда, что ли? Вы спортсмен?

Шаров кивнул.

– Да, легкая атлетика. Я бегаю на средние дистанции. Пять, десять тысяч метров.

Мальчик восхищенно уставился на него.

– А как... ваша фамилия? Я... друзьям расскажу... что встретил...

– Андрей... Андрей Емельянов... – Шаров слегка смутился, назвав эту фамилию, но опробовав ее «на язык», подумал, что звучит, в общем-то вполне неплохо.

– Андрей Емельянов... – завороченно произнес его фамилию собеседник. – Я... кажется... слышал про вас по радио! Там рассказывали про знаменитых бегунов из СССР! Не может быть, это правда вы?! – глаза мальчика лихорадочно блестели.

– Да, – сказал Шаров. – Это правда я.

Он вдруг почувствовал, что говорит правду, не лжет. Он на самом деле был этим человеком, которого совсем не знал – Андреем Емельяновым.

– А вы... не могли бы... мне расписаться... Я быстро... мигом! – забыв про бидон, мальчик исчез так быстро, что Шаров не успел и слова сказать.

Застыв возле скромного одноэтажного домишки, он подумал, что, возможно, оставляя следы, зря так поступает, но в конце концов – он должен был отплатить этому пареньку за добро.

Тот явился еще быстрее, чем в прошлый раз. В руках у него была ученическая тетрадь с синей обложкой и карандаш.

– Вот! – запыхавшись, выпалил мальчик. – Напишите прямо тут, на первой странице!

Шаров смутился. Он не раз давал автографы, но в таких условиях – никогда. Он не знал, что писать.

– Как тебя зовут? – медленно спросил он мальчика.

Тот оглянулся на свой дом и подойдя поближе, сказал так, словно боялся, что его услышат, хотя рокот толпы заглушал все звуки.

– Николай. Степанович по батюшке. А фамилия моя Пермьяков. Мама моя до войны на почте работала, я помогал ей письма разносить, а сейчас она на заводе патроны делает... я вам говорил уже. А я почту разношу. Больше некому. Все ушли на фронт. Так что... если хотите кому-нибудь отправить письмо... я могу... – он замолчал, глядя большими глазами на Шарова.

– Отправить письмо... – автоматически повторил Шаров... В голове у него что-то шевельнулось, что-то далекое, смутно-знакомое, но до того расплывчатое, что он не успел ухватить этот образ.

Он внимательно посмотрел на мальчика, потом открыл тетрадку и на первой странице написал:

«Дорогому Николаю от Андрея Емельянова с наилучшими пожеланиями. Учись хорошо, занимайся спортом и береги родителей». Подумав, дописал чуть ниже: «Бей фашистскую гадину. 15.10.1941». И ниже поставил размашистую подпись.

– Вот это да! – вырвалось у мальчика. – Сам Андрей Емельянов... – он взял тетрадку как самое дорогое сокровище мира и прижал ее к груди.

Шаров протянул ему бидончик.

– Держи. Спасибо тебе большое.

Мальчик взял бидон, но ничего не ответил, глядя во все глаза на Шарова.

– Вы точно не хотите отправить письмо кому-нибудь? – повторил он таким тоном, что у Шарова зашевелились волосы на затылке.

– Давай... я подумаю, кому, и если надумаю, то найду тебя, и ты мне поможешь.

Мальчик кивнул и ответил со всей серьезностью:

– Вот этот дом, вход со двора. Спросите почтальона Николая Степановича.

Шаров улыбнулся.

– Договорились.

Мальчик повернулся и продолжая держать тетрадку у груди, направился к дому. Шаров смотрел ему вслед.

Кому сейчас он мог бы отправить письмо? Его дед воевал с самого первого дня, но Шаров не знал ни воинской части, ни других положенных реквизитов. Да и как подписаться? «Твой внук, Илья?»

Он пожал плечами. Странное предложение отправить письмо заняло все его мысли, и он не заметил, как хмурая толпа приняла его в себя и потянула вперед, к Щелковскому шоссе.

У поворота на Первомайскую, Шаров с трудом, едва не угодив под тощую корову, которая шла вперед, не разбирая дороги, выбрался из толчеи. Глаза ее были мутными и безразличными. Старуха, которая держала поводок, огрела Шарова тонкой хворостиной.

– Куда прешь поперек, не видишь, что ли?! Машка, лягни его как следует!

Но Машка даже ухом не повела. Понурился, он прошла мимо, обдав Шарова запахом смертельно уставшего животного. Ее изможденное костлявое тело, передвигающееся на тонких ногах-шарнирах, разительно отличалось от того, что он видел буквально вчера в программе «Время», где показывали холеных животных из совхоза «Светлый путь», который стал победителем социалистического соревнования.

Шаров сморщился, сжал ключ от квартиры тренера в кулаке и в какой момент почувствовал, что если сейчас не приляжет, то упадет прямо в грязь и никто, абсолютно никто не обратит на него никакого внимания.

Левее он увидел почти незаметный переулочек, ответвляющийся от Щелковского шоссе. Высокие тополя, обрамляющие его, шумели иссохшейся листвой, роняя желтые листья на черную грунтовку.

Кто-то снова толкнул его, но теперь ему было все равно, он даже не повернулся, чтобы посмотреть и шагнул вперед. Где-то здесь начиналась Первомайская, но понять это было совершенно невозможно. Справа от грунтовки за бетонным забором темнели корпуса складов, оттуда изредка доносился испуганный собачий лай, левее же петляла тропинка – она то пропадала, то вновь появлялась и Шаров, покачиваясь, направился по ней. Растворяясь в шуме ветра, глухой непрерывный гул позади постепенно исчез.

Он прошел мимо совсем уже ветхих лачуг, погружившихся в землю по самые окна. За ними виднелась каменная постройка – оказалось, что это магазин. Разумеется, он был закрыт. Поперек двери висел откидной железный засов с огромным амбарным замком.

У магазина торчали двое типов в кепках, один поменьше ростом, крепыш, второй среднего роста – но в темноте нельзя было в точности разобрать.

Он чуть заметно прибавил ходу, однако поравнявшись с магазином, остановился. Глядя на вывеску, Шаров медленно сунул руку во внутренний карман.

– Эй, дядя, чего ищешь тут? Потерялся, может?

– Ага, – ответил Шаров. – Тренера ишу своего.

– Тренера? —проговорил коротышка. – Интересно... что за тренер такой... нет у нас тут тренеров...

– Первомайская здесь улица?

– Ну... здесь... – парни медленно, не вынимая руки из карманов, двинулись в его сторону.

– Тренер здесь живет мой... нужно навестить...

– Тренер, говоришь... – Шаров не видел их лиц, но понял, что намерения у них недобрые. – А может и мы...

– У него лицо обожженное... целиком.

– Косой... погодь...

Парни вдруг замерли, будто уперлись в невидимую стену. Один посмотрел на другого и в их глазах промелькнул страх.

– Это же тот старик... урод, помнишь его? Говорят, он... – зашептал второй парень коротышке и схватил его за рукав. Они стали медленно отходить в тень магазина и тот, что повыше, вдруг начал креститься – суетливо и невпопад. – Мужик, ты нам зла не сделал, не ищи его, о нем молва идет недобрая, связался он не с теми людьми. Понял? Лучше уходи... пока цел.

Шаров кивнул.

– И на том спасибо.

Парни растворились в тени магазина. Из-за туч вдруг показалась полная луна и стало светлым светло. Синеватая дымка, застывшая меж тополей, светилась каким-то странным потусторонним блеском. Даже непрерывный ветер, пронизывающий до самых костей, утих. Шаров повернулся вокруг своей оси. Улица будто бы застыла, замерла в оцепенении. Ни звука не доносилось с Щелковского шоссе, замолчали собаки, утихли сирены на западе. Он слышал только стук собственного сердца и больше ничего. Невесомые, микроскопические капли мороси оседали на его лице. Шаров встrepенулcя и наваждение пропало. Луна скрылась, в спину хлестнул ветер и где-то в глубине двора тоскливо завывла собака. Он поежился.

Вдали показались трехэтажные постройки.

Шаров довольно быстро нашел дом с номером девять, открыл деревянную дверь и шагнул внутрь. Дом казался пустым, безлюдным.

Седьмая квартира располагалась на третьем этаже. На цыпочках он прокрался по скрипучей лестнице, достал ключ и вставил в замочную скважину.

Замок провернулся легко, дверь открылась и впустила его внутрь.

В квартире было темно. Сколько секунд он стоял, вслушиваясь в биение собственного сердца? В какой-то момент ему показалось, что в квартире кто-то есть, кто-то прячется в густой темноте и он едва заставил себя устоять на месте и не броситься вниз по ступенькам.

Скорее всего, это были старые полы. Или еще что-нибудь, чем обычно пугают новых жильцов ветхие постройки.

Машинально он потянулся, чтобы найти выключатель, но тут же вспомнил, что свет включать нельзя и отдернул руку.

Через несколько минут глаза стали различать смутные контуры предметов.

Он прошел на кухню, памятуя, что на первом этаже живет одинокая старуха и стараясь ступать как можно мягче. На столе он обнаружил спички и свечу в большом бронзовом подсвечнике в виде распустившегося цветка.

Чиркнув спичкой, Шаров зажег свечу и огляделся. Обычная холостяцкая кухня, ничего особенного. Настенный шкафчик, обеденный стол, на котором горела свеча, мойка, над ней подставка для посуды и несколько тарелок. Он увидел хлебницу, и рука автоматически потянулась к ней. Он покачал головой, укоряя себя за слабость, но ничего с собой поделывать не смог.

Легким движением отодвинул крышку. Внутри лежал небольшой кирпичик черного хлеба. Целый. Шаров коснулся его пальцами. Запах из хлебницы достиг ноздрей, он схватил хлеб и принялся жадно кусать, вгрызаясь в черствую мякоть и касаясь ее носом, вдыхая безумно вкусный запах, будто бы боясь, что кусок сейчас отнимут. Набив рот, он увидел стул и тяжело опустился, держа кирпич дрожащими руками прямо перед глазами.

«Хорошо, что меня никто сейчас не видит, – подумал он, тщательно пережёвывая пресный, но удивительно вкусный мякиш. Через мгновение Шаров вдруг вспомнил про детей и ему стало нестерпимо стыдно. Он медленно он положил хлеб на стол. Отщипнул еще кусочек и сказал сам себе:

– Все. Больше не трожь.

Он взял подсвечник, с трудом поднялся – ноги ныли как после серьезной тренировки и прошел в комнату, все стены которой были увешаны грамотами и наградами. На специальной полочке стояли вымпелы и памятные знаки в виде бегунов в разных позах, а рядом висела большая черно-белая фотография в рамке. Та самая, где он и Александр Андреевич стоят у арки под надписью «Стадион имени И. Сталина». Шаров в черных спортивных трусах и белой майке с эмблемой «Динамо». В руках бутылка лимонада и та самая сумочка. С деньгами. Рядом стоит тренер. Еще живой, улыбающийся, хотя в глазах застыла тревога или... даже страх. Тогда Шаров, конечно же, этого не видел. И не чувствовал. Да и как... если он ничего не помнит...

Шаров долго вглядывался в свое лицо, пытаясь воскресить в памяти те мгновения, если они вообще были, но никакого озарения на этот раз не вышло, хотя где-то в глубине его шевелились неясные, смутные чувства.

Не спуская глаз с портрета, он подошел к письменного столу, поставил на него подсвечник и отодвинув стул, сел. Потом, словно в забытьи выдвинув верхний ящик стола, рассеянно посмотрел внутрь. Там лежали ручки, карандаши, моток лески, перочинный нож и точилка, транспортир, большой циркуль, несколько тетрадок и небольшой блокнот в черной кожаной обложке.

Шаров взял его в руки, перелистнул страницы. Это была адресная книжка, тут были имена, фамилии и телефоны незнакомых ему людей: какая Лидочка Н., имя ее на первой странице было обведено несколько раз и рядом красовалось сердечко, Федор Степанович Щурко (по поводу муки), Семенихин (Динамо), портной Аарон Фельдман, зубы Яков Моисеевич, – все с телефонами, видимо, это были самые важные люди, остальные шли по алфавиту и Шаров почему-то автоматически остановился на букве «Е».

Знакомые имя и фамилия «Емельянов Андрей» красовались в гордом одиночестве. Телефона напротив фамилии не было, зато... он затаил дыхание, был адрес.

И если верить тому, что было написано в блокноте, он жил буквально в соседнем доме. Через дорогу.

Шаров медленно поднялся, подошел к окну, выходящему на проезжую часть, на миллиметр отодвинул тяжелую ткань светомаскировки и взглянул на улицу.

Точно такой же трехэтажный дом под номером двенадцать стоял чуть выше по улице. Сердце его забилось так часто, что он чуть не вскрикнул.

Это был его родной дом.

Шаров отошел от окна и сел на диван. Сумбурные мысли кипели в голове, не давая покоя. Зачем тренер дал ему ключ от своей квартиры, если знал, что его собственная совсем рядом? Он упоминал какого-то человека... не только он, но и эти парни возле магазина... возможно в той квартире небезопасно. Или тренер понимал, что Шарову, то есть... Емельянову будет куда важнее кусок хлеба, которого явно не обнаружится в давно покинутом жилище...

Со вздохом Шаров лег на диван, натянув на себя теплое вязаное покрывало. Голова кружилась, под сомкнутыми веками мелькали коровы и старухи, бегуны и тренеры, невидимый стадион взрывался овациями и приветственными криками. Потом вдруг стихло и в этой торжественной тишине раздался выстрел стартового пистолета.

Он взглянул на дорожку перед собой, оттолкнулся от стартовой черты и рванул вперед.

Глава 15

1941 год

– До Москвы от моей Сосновки двадцать семь верст, – Катя поправила включенные волосы, обвела взглядом школьников, обступивших ее с двух сторон. – Значит, отсюда верст пятнадцать, – это если по прямой. Но... по прямой никак нам нельзя, дорога перекрыта. Давид, – она посмотрела на тощего рыжеватого паренька, который, кажется, до сих пор еще не отогрелся. – Ты видел пост? Сколько их было?

– Я видел один – за поворотом дороги, но как только его заметил Червяков, они сразу свернули в лес – кинулись бежать со всех ног.

– Поэтому... идти придется тропками, получится... в два раза дальше. По дороге небезопасно.

– Тридцать верст что ли... это сколько километров-то? – с сомнением спросил Петя.

– Почти столько же, чуть больше, – ответила Лена, а Катя покачала головой.

– Да что ж такое... и правда, чудные вы... таких не видела в жизни, что бы не знали, что такое верста. Городские...

– Все мы знаем, – прервал ее Витя. – Но тридцать верст точно не пройдем. Даже если кто-то скажет, что в конце нас будет ждать бутылка фанты и килограмм бананов. Особенно, если учесть, что мы не отдохнули.

– Бутылка чего? Как ты сказал? – на лице Кати застыл вопросительный знак. – Хотя... бананы я видела один раз, когда ездила в город... правда, дорогие были и... какие-то зеленые...

– Это потому, что нужно их в темное место положить! – важно ответил Петя. – И тогда они созреют. А «Фанта»... это лимонад такой шипучий...

– Если сейчас ляжем... то вряд ли сможем уже встать, – прервал его Денис. – Я так точно.

– Может, рискнем пойти по дороге? – спросила Лена. – Все-таки пятнадцать... даже если по пять километров в час, это три часа. Можно вытерпеть. Но тридцать – точно нет, – она с сомнением посмотрела на уставшие лица друзей.

– А ящик... то есть, эта шифровальная машина, которую мы свистнули у фрицев... как мы ее понесем? – вставил Витя. – Она такая... тяжелая...

– Мы ее не понесем, – вдруг сказала Катя. – За нас это сделает кое-кто посильнее.

Все разом уставились на нее.

– Что ты имеешь в виду?! Оставить здесь наш трофей?

– Да. Утром, часов в пять-шесть эти хулиганы нагрянут сюда и тогда...

– Мы их сцапаем!.. – вошел в раж Петя.

Катя слегка улыбнулась, и Витя отметил, какая открытая у нее улыбка... без позерства, зазнайства, скрытых мыслей... Лена недовольно поморщилась, но Витя в темноте не заметил ее реакции.

– Если бы... боюсь, по рассказам Давида и... этому... – она кивнула на листовку с нарисованным карандашом портретом Червякова, – ...они нам не по зубам. Но я уверена, что милиция давно по ним плачет. К тому же, когда они обнаружат эту штуковину, то решат, что мы скоро за ней вернемся, может быть, вышли на поиски транспортного средства, потому что вручную тащить ее тяжело. Поэтому они будут спешить. Значит, мы расстанемся с ней совсем ненадолго.

– Ничего не понимаю, – признался Денис.

– Проще простого! – Катя погладила машину по черным клавишам. – Они же не коллекционеры, зачем им эта штука? На вид она очень дорогая и на рынке за нее можно выручить приличную сумму. Туда-то они и пойдут.

– Да сколько в Москве тех рынков! – резонно пробасил Петя.

– На какой угодно не пойдешь. Колхозные, конечно, есть, но такую штуковину там не продашь. Из тех, что точно работают... и где постоянно выются темные типы... вроде вашего Червякова... ну и фамилия же у него, – Катя скривилась, – остается только один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.